

НАТЛЯЯ

КЛЮЧАРЕВА

сила тяжести
VS

сила легкости

Сказка

Наталья Ключарёва

Сила тяжести vs сила легкости

«Автор»

2023

Ключарёва Н. Л.

Сила тяжести vs сила легкости / Н. Л. Ключарёва — «Автор»,
2023

Сказки для всех возрастов - философские, озорные, абсурдные, печальные, бытовые. В сборник вошли сказки разных лет: "Король улиток", "Последнее чудо", "Олух царя небесного", "Дудочка Хильды", "Лукерьины звери", циклы "Однажды в городе", "Жила-была девочка" и "Сказки про всё на свете".

© Ключарёва Н. Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Король улиток	5
Олух царя небесного	8
Лукерьины звери	11
***	12
***	22
***	26
Последнее чудо	30
Жила-была девочка	35
Однажды в городе...	39
Парк	39
Депо	40
Площадь	41
Сказки про всё на свете	42
Про Серого Дядьку	42
Про сказочника	43
Про потолок	45
Про Плюку	46
Про старух	48
Про шторы	49
Про дом	50
Про принцессу и крылья	51
Про зеленого медведя	54
Про фею детской площадки	56

Наталья Ключарёва

Сила тяжести vs сила легкости

Король улиток

Испокон века живет в окрестностях болот и на полянах с сочными травами тихий улитий народец. Улитки гордятся древностью своего племени и свято чтут старинные традиции. Одна из них – ожидание Короля Улиток, который, по преданию, всегда ползает где-то рядом и в любой момент может появиться на твоей травинке.

Короля Улиток никто не видел, но каждая улитка втайне верит, что именно ей суждено его встретить. Ученые улитки пытаются предсказать появление Короля: складывают и вычитают количество годовых колец, гадают по полету одуванчиковых парашютов.

Улитки никогда не выходят из своих домиков. А если им куда-то надо – тащат их с собой. Это еще одна древняя традиция. С самого рождения маленьким улиткам внушают, что всякому покинувшему домик грозит немедленная смерть. Ведь тело улитки нежно и уязвимо, а окружающий мир холоден и жесток. На улитьем языке «вышел из себя» означает – умер.

По природе своей улитки замкнуты и молчаливы. Они редко дружат между собой. Да и как тут дружить, если каждый сидит у себя дома и только иногда выставляет наружу недоверчивые рожки.

Улитка У с детства был необщителен даже по улитьим меркам. Едва научившись ползать, он отнес свой домик на самый край поляны и зажил там совсем один на стебле высокого Иван-чая. Скоро о нем забыли даже родители.

Его ровесник, улитка Ли был чересчур подвижен для улитки. Ему никак не сиделось на месте. Почтенные улитки смотрели на него свысока. Но Ли это ничуть не смущало. Он неустанно исследовал поляну и однажды наткнулся на У, одиноко качавшегося на длинном листке. Они разговорились.

С тех пор Ли зачастил к высокому Иван-чаю. Он был любопытен, а в голове улитки У от долгого молчания выросли большие мысли.

Одним золотым летним вечером, когда Солнце особенно нежно прощалось с притихшей Землей, Ли приполз на край поляны в неимоверном возбуждении.

– Сенсация! – закричал он так звонко, что с соседнего листа сорвалась капля росы. – Ученые расшифровали иероглиф жука-короеда на старом дубе! Там написано, что Король Улиток живет среди нас!

– Правда, сейчас узнать его невозможно, – продолжал Ли уже тише, с досадой замечая, что У думает о чем-то своем и совсем не ошарашен его известием. – Говорят, мы увидим, кто был Королем, лишь когда он умрет. Наверное, это будет какой-то особенный знак на теле... Что творится в народе! Волнуется вся поляна! Несколько знатных улиток объявили себя Будущими Королями. Простые улитки не знают, кому верить. И на всякий случай поклоняются каждому, кто скажет, что он – Король.

– Да-да, – рассеянно отозвался У. – У меня тоже есть для тебя большая новость.

– Уж не больше моей! – обиженно фыркнул Ли.

– Я выходил из себя, – тихо и торжественно произнес У.

– Что?! – выдохнул Ли, и в голове у него все закрутилось.

– Я покидал свой домик.

– Но это же – невозможно! Каждому, кто покинет... грозит...

– Я жив, как видишь.

– Нет-нет-нет-нет! Ты врешь! Я не верю!

– Смотри, – шепнул У, и Ли тут же зажмурился от суеверного страха.

Но вскоре любопытство взяло вверх, и он открыл глаза. Чтобы увидеть то, чего не видела до него ни одна улитка. У медленно выбирался из своего домика. Его тело жемчужно светилось в наступающих сумерках. Он высунулся уже по пояс. Еще одно движение – и он весь оказался снаружи. Опустевший домик страшно мерцал на ладони замершего листа. Ли задрожал, уверенный, что его друг сейчас погибнет.

Но случилось нечто невероятное. Освободившись от тяжелого панциря, У легко перепрыгнул на соседний стебель, оттуда – на склонившуюся вниз березовую ветку. Его движения были быстры и прекрасны, как танец, как музыка, как полет мотыльков, которым Ли всю жизнь мучительно завидовал. С головокружительной ловкостью У оказался на самой вершине дерева, и его сияющее тело слилось с огоньками первых вечерних звезд.

Через секунду он так же свободно соскочил вниз, едва касаясь упругих листьев. И, вздохнув, скрылся в домике. На поляне стало как будто темнее. Ли потрясенно молчал. Столько стремительных мыслей сверкало и прыгало в голове, что он не знал, за какой погнаться. От одной, самой заманчивой и страшной, просто захватывало дух.

«А что если...» – думал Ли и робко вытягивал из домика дрожащие рожки, но тут же так пугался своей дерзости, что стремглав нырнул обратно. – «Нет-нет-нет! Каждому, кто покинет... Неминуемая гибель... Но ведь у него получилось... А что если...» – и он опять высывался наружу.

– Нет, – наконец, сдался Ли. – Я не рискну. Наверно, ты какой-нибудь особенный. А я – уж точно погибну.

– В том-то и дело, – с жаром возразил У, – что я – самая обыкновенная улитка на свете! Если бы я был знатный, или ученый, или этот – как ты их называешь? – будущий король, тогда можно было бы сомневаться. Но ты же знаешь меня! Я такой же, как все! Значит – все могут!

– Не верю, не могу, не буду! – вдруг разозлился Ли и с силой захлопнул дверь своего домика.

Всю ночь он промучился без сна, пытаясь опровергнуть очевидное и придумывая возражения и вопросы. Наутро он хмуро выглянул наружу и недружелюбно окликнул У:

– Эй! Ну, хорошо. Предположим. А зачем нам это? Тысячи лет жили без твоих фокусов – и ничего, нормально.

– Как? Как зачем? – растерялся У. – Ты ведь видел вчера. Это – совсем другое.

– Не нужно нам твое другое! – огрызнулся Ли и что есть мочи пополз прочь.

Он очень спешил. Он напрягал все силы. Он задыхался. Но тяжелый домик прижимал его к земле, и Ли двигался медленно и скучно. Он полз, и его маленькое тело клокотало от злости. Он вспоминал, как вчера У в три прыжка оказался на вершине березы. И почти ненавидел своего странного друга.

– И все-таки, это нужно! Нужно! – шептал У, грустно глядя ему вслед.

В тот же день в центре поляны появилась никому не известная улитка в потрепанном пыльном домике. Она забралась на травинку, служившую трибуной будущим королям, и закричала:

– Послушайте!

Улитки высунули рожки и оглядели пришельца. Ли узнал У, и сердце его тревожно заняло.

– Ха! Смотрите! – засмеялись две знатные улитки. – Еще один будущий король! Почисти сначала домик, замарашка! Нет, этому мы ни за что не поверим! Самозванец, убирайся вон!

– Да нет же! Послушайте! Я хочу сказать вам совсем другое! – надрывался У, стараясь перекрыть шум. – Улитки могут покидать свой домик! Да! Каждый из нас! Может стать свободным! Это легко! Это возможно!

– Кто это?! – испуганно переглядывались улитки. – Что он несет?! Это сумасшедший Ка с торфяного болота? Вроде бы нет... Но тогда, что...

– Улитки могут покинуть свой домик! – кричал У, раскачиваясь на травинке. – Я докажу вам! Я покажу!

В тени старого лопуха совещались будущие короли:

– Это ставит нашу власть под угрозу!

– Этого нельзя допустить ни в коем случае!

На полянке вдруг стало оглушительно тихо. Это У начал выходить из своего домика. Весь улитий народец следил за ним, затаив дыхание. Он выбрался наружу, выпрямился во весь рост и легко соскочил с травинки.

– Ах! – дружно выдохнула толпа.

– Видите! – восклицал У, прыгая от одной улитки к другой. – Я жив! Это возможно!

Улитки недоверчиво ощупывали его рожками. Понемногу над поляной нарастал радостный гул.

– Разрешите и мне потрогать, – сказал самый старый будущий король, подползая к У.

– Берегись! – пискнул Ли, заподозрив что-то неладное, но было поздно.

У доверчиво потянулся к будущему королю и тут же был повален на землю и связан гибкой осокой.

– Ой! – хором произнес народ и отшатнулся.

– Вот что бывает с тем, кто нарушает древние законы! – грозно выкрикнул будущий король. – Это величайший преступник! Завтра утром он будет публично казнен! А пока расходитесь! И пусть никто не смеет покинуть свой дом!

Когда стемнело, Ли решился подползти к своему другу.

– Это несправедливо! – зашептал он, склоняясь над связанным У. – Ты ведь не сделал им никакого зла! Знаешь, я верю, что Король Улиток этого так не оставит. И сегодня же приползет освободить тебя. А сам я не могу, прости, вдруг ты все-таки преступник?

У ничего не ответил. Тело его так высохло за день на солнце, что в сумерках казалось прозрачным крылом мотылька. Ли уполз, глотая слезы. Улитки ведь тоже плачут. Иногда.

А ночью в лесу начался пожар. Небо озарилось страшным багровым светом. Трещали, умирая, деревья, рассыпались безжалостные искры, пламя подступало все ближе к полянке, где жил улитий народ.

И вдруг несколько самых молодых улиток выскочили из своих раскаленных домиков и помчались прочь по кочкам. В мгновение ока они очутились на другом берегу болота, где не было огня. Вслед за ними и остальные улитки стали выпрыгивать из себя.

Перебравшись в безопасное место, улитий народец обернулся на свою пылающую поляну. И увидел связанного У, о котором никто не вспомнил в суматохе бегства. В этот момент огненный язык как раз дотянулся до него. У вспыхнул и взвился в небо.

И тогда у всех на глазах в расплавленном воздухе появилась маленькая корона и тихо поплыла над болотом, грустно задевая камыши. Она была похожа на шаровую молнию, только совсем крохотную, размером с орех. И все вокруг нее переливалось нежным жемчужным светом.

Огонь подступал к болоту. Шипел и смирялся. Кончался лесной пожар. Наступало новое утро.

Олух царя небесного

По выходным и праздникам Павёлка ходит в церковь – смотреть на ангелов. Он бы и чаще ходил, только поп Василий бывает в Толгоболи наездами: отслужит службу, повесит на двери замок и обратно – в Большой Город. Благо пути всего 20 минут, через мост переехал – и уже там.

Подходит Павёлка к закрытой церкви, трогает замок, заглядывает в щелку. Но ангелы живут у дальней стены, и разглядеть их отсюда не получается.

– Запер он вас, ага, сидите, чего уж! – говорит Павёлка для отвода глаз, чтоб не выдать тайну.

Сам-то он давно знает, что ангелы умеют выбираться из-под замка. Разгуливают потом по всей Толгоболи, как цыплята, скачут по окрестным полям, мелькают меж стволов березовой рощи, плещутся в Волге, а, может, и на тот берег переплывают, в Большой Город, они такие.

Но к приезду попа Василия успевают назад воротиться, шмыг на свое место, будто всегда тут и были. И стоят, хитрецы, слушают, как толгобольские старухи им песни поют.

Павёлка у алтаря усмехается, двумя глазами ангелам подмигивает (одним он не умеет), а те – и бровью не ведут, таятся.

Вот кончится служба, скажет поп Василий торопливое напутствие, громыхнет замком и бегом на остановку: полуденный автобус пропустишь – будешь до вечера по Толгоболи слоняться, у них там перерыв.

Походит Павёлка вокруг церкви, похитрит на всякий случай, да и ляжет где-нибудь в траву. Только зажмурится – ангелы тут как тут: чует Павёлка сквозь веки их солнечную чехарду. Выбрались, значит, на волю, играют.

Откроет глаза – и нет никого – только береза ветками шевелит – попрятались.

Закроет – и сразу брызнут из-под каждого листочка, поднимут ветер, обступят Павёлку и словно беличьей кисточкой сердце щекочут.

Заное сердце, замрет сладко и покатится золотым колесом по небу. И увидит Павёлка сон.

...будто идет он один посреди пустого места, вокруг ничего нет. Смеркается, белеет в темноте дорога. Вдруг прямо перед ним – Город! Сияет, как сотня радуг, вьется вокруг горы, а на самой вершине – янтарная башня-свеча.

Стоит Павёлка сам не свой, духом захваченный. Льется Город в глаза, как живая вода, зажигает внутри ответную радугу-радость. И хочет Павёлка скорее туда попасть, бежит навстречу, а под ногами вдруг – пропасть бездонная: край Земли.

И видит Павёлка, что гора, на которой Город, прямо в небе висит. И нет к ней ни моста, ни брода...

Ходит Павёлка по Толгоболи, ищет, кому сон рассказать, никак не найдет. Жители все давно в Большой Город перебрались. Остались в Толгоболи одни старухи, да и тех нет. Каждое утро на рынок уезжают: продавать городским людям крокусы-да-флоксы.

Всего в Толгоболи три улицы: две вдоль Волги, а третья – от реки к автобусной остановке, Главная. На ней раньше и школа стояла, куда Павёлка три года в первый класс ходил.

Потом всех детей увезли в Большой Город учиться. А Павёлку в городскую школу не взяли. Ведь он – дурачок, и родители у него от водки умерли.

Вскоре приехала в Толгоболь сердитая тетка в фуражке, искала Павёлку на всех трех улицах, хотела сдать в специальное место, вроде тюрьмы. Но старухи его не выдали, пожалели. А еще кривая Лукерья открыла, что он умеет радикулит лечить.

– Поводит, – говорит, – ладонками над поясницей, прострел-то и отпустит! Лучше всякого Кашпировского!

С тех пор старухи стали Павёлку беречь и пастухом оформили.

Жили тогда в Толгоболи четыре козы и корова Изаура. Выгонит их Павёлка за огороды и завалится поскорей в траву, закутавшись в кофту кривой Лукерьи. Сны смотреть.

...и снится Павёлке, будто растут из неба вниз головой цветы. То распусятя, то закроются, а сами – огромные! Один своей тенью всю Толгоболь накрывает. Разговаривают цветы меж собой без единого слова, гудят на разные голоса.

И все небо цветами горит, и ночь никак не наступит: светят они во тьме ярче всяких звезд. Лезет Павёлка на сарай – поглядеть поближе. Да не может никак ухватиться, смотрит – а вместо рук – огненные лепестки. И сам он – цветок...

Умерла Лукерья, корову Изауру сменила рыжая Марианна, Кашпировского – поп Василий. Раздался Павёлка в плечах – вся одежда трещит. Две улицы в Толгоболи заросли лопухами. А на Главной открылся Коммерческий Ларек «Ариэль».

Опустевшие от старух дома стали занимать дачники из Большого Города. Павёлку они не обижали, но и здоровались не всегда.

Помнётся Павёлка у забора, посмотрит, как те чай пьют, поулыбается без ответа. И уйдет восвояси. Вроде и есть люди, а вроде как бы и нет.

К вечеру вернутся с рынка уцелевшие старухи, усядутся на низкую скамейку в лопухах и начнут костерить дачников. И «хапугами», и «прохиндеями», и «японскими городовыми».

Подойдет Павёлка послушать и попадет под горячую руку. «Олух царя небесного», «статуй недельный», «пугало», «панано» и еще какое-то: «папандополо». Отведут душу, а потом жалуются, как Милиция их с рынка гоняет, штрафы дерет, а флоксы-да-крокусы в урны выбрасывает.

Милицию Павёлка хорошо помнит. Это ж та самая злая тётка, что хотела его в тюрьму сдать. Злитесь теперь на старух, наказывает.

Сядет солнце, замычит печальная Марианна. Разойдутся старухи по домам: смотреть сериал. А Павёлка спать ложится – чего еще делать.

...и снится ему, будто идет он рядом с самим Господом Богом. Бог – молодой, как в церкви нарисован. А вокруг дома огромные, одинаковые – Большой Город. Вот заходят они в один такой дом, залезают на крышу. И говорит Бог: «Пришел Мой час». Затосковал Павёлка, кровь потекла вспять. Бухнулся в ноги, схватил за платье: «Куда ты? – воет. – Не уходи!»

А Бог положил ему на голову ладонь, утешает. Затих Павёлка, и так хорошо ему стало, так сладко – как не бывает.

А Господь тихонько его голову отодвигает. Чует это Павёлка, да не может очнуться. Отвернулся Бог – и шагнул с крыши. Только тут Павёлка вскочил...

Порой у толгобольских старух гостят другие – покрепче – приехавшие на поклон к Толгской Богоматери, в обитель, что стоит чуть ниже по Волге.

Раньше там жили только ласточки, и одичавшие ангелы осыпались со стен. Павёлка забрался туда однажды, да перепугался до икоты, когда на него упал и тут же рассыпался в пыль ангельский пальчик.

Теперь, говорят, все иначе. Живут в монастыре живые монашки, и матушка Варвара кормит их постным борщом. Но Павёлка все равно боится. Вдруг ангел без пальца затаился где-нибудь и ждет? Лучше уж он будет со своими знакомыми, из запертой церкви, в жмурки играть да слушать рассказы проезжих старух.

– В городе у нас был блаженный, дедом Кузякой звали, босиком ходил в любые морозы. Как-то в войну забегает он к нам в детсад. Хлопнул в ладоши: «Бежим со мной!» Мы все и помчались. Он нам конфеты давал ведь. И только отбежали чуток – бомба прямо в детсад угодила! Одни головешки остались. Так-то.

– Осподипомилуй, – шепчут старухи и расходятся по домам, чтобы завтра попасть на раннюю службу.

Засыпает в лопухах и Павёлка.

...и видит, будто идет к нему по Волге старичок, в бороде запутался.

– Ты кто таков? – окликает Павёлка.

– Павёлка я, – отвечает, – поп из Рыбьей слободки.

– А чего это ты по воде гуляешь?

– Образок ищу, – вздыхает рыбий поп. – Отцово благословение.

– Как же он у тебя в Волге потерялся?

– Утоп вместе с городом! Слышал про Мологу? Идем, покажу!

Цапнул старичок Павёлку за руку и тащит в реку. Павёлка – плыть, а вода – твердая, только пружинит слегка, как мох. Старичок усмехается и вперед бежит. Побежал за ним и Павёлка.

Очутились они враз на широком месте. Кругом вода, берегов не видать.

– Теперь под ноги смотри! – велит старичок. – Вон она, Молога-утопленница.

Пригляделся Павёлка, а внизу – подводный город: улицы, заборы, даже фонари. На звоннице – колокола сами собой колышутся, только не слышно ничего. А из окон в домах выглядывают водяные старухи.

– Они, – объясняет поп, – уезжать не захотели.

– Чем же они дышат?

– Господь им на удочке воздух в горшках спускает...

Любит Павёлка лежать на берегу Волги. Песок под щекой осыпается, бежит по своим делам. Жужжат на реке моторки, гонят волну. Качаются привязанные к мосткам тихие лодчонки. А другие – лодочные старухи – валяются брюхом к небу на песке, как большие дохлые рыбы.

За Толгобольшю Волга изгибается и скрывает себя в речную тайну: излучку. Только длинные баржи знают, что там за поворотом. И Павёлка порой летает туда во сне.

Летит он над незнакомой родной рекой, щекочут живот прибрежные сосны, поднимают головы усердные рыбаки, гудят белые пароходы, плывущие назад, к сельцу Толгоболь, где спит на берегу Павёлка, олух царя небесного. Спит и спит.

Лукерьины звери

Блаженны безымянные творцы узоров, сплетающие нити судьбы, ткущие полотно жизни, где все повторяется, как припев бесконечной песни, но каждый раз по-своему, на новый лад.

Где все неповторимо.

Блаженно ваше безликое вольное племя, уходящее корнями за край времен, в тридевятое царство, где все растворяется во всех, где каждый поворот руки прошел сквозь толщу поколений и повторяет движения прамаатерей.

Блаженны ваши цветы и звери, львы рыкающие, полканы, тyani-толкаи, кони-цапли на тонких ногах. Блаженны круги и перекрестья, листья и капли, ягоды и лучи.

Цветите, растите, будьте. Пойте нашу общую, нашу всегдашнюю песнь.

***

У Лукерья на двери, на старой, высушенной солнцем многих лет, выбеленной снегом многих зим доске – василек-растрепка расцвел. Чтобы в дом войти, надо с цветком поздороваться. Почешешь его мизинцем под подбородок, он и рад: листьями плещет, хохочет – того и гляди сорвется с места и поскачет, брыкаясь, в чистое поле, как несмышленный телок.

Лукерья порой нарочно свой цветок расшекочет и выпустит – пусть проветрится. Бывает, тот домой и не вернется. Ни к ночи, ни через день.

Тогда Лукерья разводит краску в яичном желтке и новый рисует, краше прежнего. А на беглеца не обижаются, только вздохнет иногда: как он там на вольной воле, всё ли ладно, всего ли довольно?

Случается, пойдет Лукерья в лес за крапивой или на луг – зверобой с полынью собирать, и встретит свое чадушко – одичавшее, обветренное, очень довольное.

Вон стоит, старой ольхе под бок прилепился. Или вон – с муравьиного пня кивает. Помажет Лукерье издалека и снова с бабочками перемигивается. У той сердце и успокоится: ничего, прижился.

Зимой рисует Лукерья свои цветы на снегу. Веточкой, которую ветер с дерева сдул. Заметет цветы метель, уйдет красота под снег, а весной побежит бурными ручьями в овраги, умоет спящую царевну-землю и проснется та краше прежнего...

А Лукерья палкой в грязи нарисует солнце – в помощь весне.

***

Вообще-то, ее звали Лидия. Но это имя всегда казалось ей чужим, точно необитаемым. С детства она ясно чувствовала, что врет, называя себя так. И простой вопрос: "Как тебя зовут?" – всегда вызывал у нее секундное замешательство.

Она пыталась сжиться с именем, сделать его своим, собственным, обжить. Крутила и так, и эдак: Ли-да, Ли-ди, Ли-до – но оно никак ей не шло, топорщилось, как одежда с чужого плеча.

Когда она нарисовала первый узор, то вдруг услышала в его изгибах и повторах свое настоящее имя. Оно было странным, старинным. Конечно, мама никогда в жизни не могла ее так назвать: Лукерья Георгиевна.

Как-то само собой отменилось и отчество: Германовна. Но она этого почти не заметила, ведь за ним не стояло никакой реальности, кроме строчки в свидетельстве о рождении.

Новое имя сияло перед ней, словно солнце в ночном небе. Оно прокатывалось во рту, как речная галька, распускалось подобно цветам и хвостам райских птиц, которые тогда впервые стали являться ей в минуты между сном и явью.

Оно бурлило и брыкалось, само рвалось наружу, как потоки талой воды из-под осевших сугробов.

Потом она вспомнила: именно так звали прабабку, умершую задолго до ее рождения. И поняла, что это правильно: новое имя вплело оторванную нить ее жизни обратно в полотно рода.

***

Диковинные звери приходят к Лукерье в дом. Возьмет она кусок глины, помнет, не глядя, а потом вдруг – будто дверь распахнулась – уже знает, кто у нее в руках. Барашек-круторожек или лошадка-тонконожка или пес-мокронос.

Теперь Лукерья по сторонам уже не зеваёт. Белым лицом над глиной склоняется, как Луна над спящей Землей, быстрыми пальцами рвет, катает, вытягивает...

Как откроются у зверя глаза, начинает Лукерья с ним разговаривать. И слова-то все чудные, непривычные. Откуда они берутся, Лукерья не знает – никто с ней никогда так не говорил. И она ни с кем.

И все чудится ей, будто это сама глина, сама Мать-Сыра-Земля сквозь нее своих чад окликает и пестует.

"Раскрасавица моя, разумница, ладошка-ненаглядушка, за ушко да на солнышко, округляйся животок, загибайся коготок... Раз копытце, два копытце, выходи воды напиться..."

Лукерье немного страшно, словно она ворожит. И радостно, будто рожает.

После стоят звери на столе, обсыхают, оглядываются, в себя приходят. А Лукерья лежит пластом, и у нее едва хватает сил, чтоб улыбаться.

***

В минуты между сном и явью, стоит Лукерье закрыть глаза, вспыхивают перед ней в темноте яркие, словно солнцем очерченные цветы, сплетаются узорами ветви, слетаются, сверкая ярче зарниц, жар-птицы с каплями огня на каждом перелете...

В мгновение ока вырастают небывалые деревья до небес, раскидываются, словно скатерть-самобранка, поля оглушительного разнотравья, и летят по ним – быстрее стрел, легче ветра – красные кони с лебединым изгибом шей.

Одни образы сменяются другими, так что Лукерья не успевает перевести дух. Голова начинает кружиться, и в глазах рябит, будто в жаркий день смотришь на реку с сильным течением.

Но едва Лукерья пытается взглянуть в какую-нибудь картину, чтобы запомнить детали, как все расплывается, краски смешиваются и гаснут, и вот перед ней только темнота и привычные очертания домашней утвари.

Лукерья набирает воздуха полную грудь, будто в омут собралась прыгать, и опять закрывает глаза.

Маятник в часах успеваешь качнуться только в одну сторону – а река уже вновь подхватила Лукерью и понесла, как щепку, сквозь радужный ирий сад.

Лукерья лежит, не шевелясь, на спине, и слезы бегут по вискам в разметавшиеся на подушке волосы.

Ждет ее изнутри красота. Манит и не дается в руки.

Наутро возьмет Лукерья с полки какого-нибудь глиняного козлика, приголубит и попытается украсить его крохами своих ночных видений.

Сияют Лукерьины звери – с улицы видно. Дети носы о стекло плющат, глаза таращат.

А Лукерья печалится и вздыхает: не то всё. Совсем не то.

***

Бывают у Лукерьи смутные, недужные дни. Обычно после особенно ладной игрушки, над которой руки летают сами, как птицы.

На другое утро встает Лукерья не с той ноги, и всё у нее идет вкривь и вкось, даже самое простое.

"А ну вас совсем!" – в сердцах бросает Лукерья, накидывает кое-как платок и бежит из дома прочь, прочь, куда глаза глядят, куда несут ноги.

Она уже знает, почему чувствует себя, как разбитый горшок на плечах пугала. Это в первые разы пугалась до слез, отчаивалась, а теперь привыкла к тому, что иногда путь лежит через пустыню.

Это засуха. Пересох поток, мчавший сквозь нее образы, водивший ее рукой. Иссяк, истомился.

Она должна позвать обратно в себя живую воду, вернуть своенравную реку назад в берега.

Для этого надо замедлить бег, отдышаться. Поверить, что засуха – не навсегда. Остановиться. И отворить зренья.

Просто смотреть вокруг. Просто смотреть. Смотреть.

Вон под мышкой у кривой березы улыбается гриб-чага, а если приглядеться – так это же чудо-юдо рыба-кит! Любуется им Лукерья, неспеша запоминает: здесь – прогиб, тут – поворот, там – глазок, потом – хвосток... Она уже знает, как вылепит его, добродушного увальня, жителя морских глубин.

Тихо-тихо шагает Лукерья дальше.

Снова счастлива, снова жива, снова ведома.

"Смотри", – словно подсказывает ей кто-то.

И Лукерья видит в морщинах старого дуба лицо лесного духа, недоброго и незлого, себе на уме, глаза – как плоски, нос – картошкой...

Видит, благодарит, запоминает.

"Смотри, смотри", – окликают ее из облачных переливов, березовых переборов.

И Лукерья знает, что те, которые спрятались там, очень хотят быть найденными. И смотрит во все глаза.

А рукам уже невольно ждуть, пляшут пальцы в рукавицах, как нетерпеливые скакуны.

Бывает, Лукерья никак не может их сдержать. Зачерпнет снега и прямо на ходу, смеясь, лепить начинает.

***

Метельный случился вечер, порывистый. Настоящий буран, хоть и март на дворе. Лукерья вышла на воздух, чтоб глаза отдохнули, и вспомнила бабушкину притказку: "Марток – надевай порток".

Но при этом почему-то представила себе не сгорбленную старушонку, а сопливую девчонку, которую мать туго крест-накрест затягивает в шерстяной платок. И поняла, что это прабабка Лукерья Георгиевна так говорила. Часто она ей теперь на ум приходила.

Все деревенские люди сидели в такую непогоду дома, и между снегом земным и снегом небесным не было, кроме Лукерьи, ни одной живой души.

Она по привычке начертила солнце в сугробе, помогая замешкавшейся весне. И пока отогревала палец в кармане, рисунок стерла белая крупа.

Вдруг Лукерье почудились голоса. Проваливаясь по колено, она добрела до угла дома и увидела под боком небольшого пригорка три копошащиеся фигурки. Две маленькие и одну еще меньше.

Те две, что побольше, плавали в снегу на животах, барахтаясь и бодро побрякивая. А третья лежала пластом и с любопытством разглядывала что-то у себя под носом.

– Вы рыбы? – спросила Лукерья, когда пловцы добрались до нее, вскочили и тут же плюхнулись на попы.

– Я – трррррактор! – взревел мальчик и молниеносно протаранил грудью ров вокруг Лукерьи.

– А я – Кристина, – сообщила девочка, глядя в упор круглыми черными глазами.

"Тоже чужое имя, – подумалось Лукерье, – на самом деле – Катерина".

– А там лежит Сабрина. Она все время падает. Нам надоело поднимать, – подскочил мальчик.

"Серафима", – эхом откликнулось в Лукерье.

– А вон там под снегом –дохлая кошка, – тараторил мальчик, блестя такими же, как у сестры, глазами-вишнями, – придет весна, и все ее увидят!

"А ты – Федот", – угадала Лукерья.

– А я – Макс! У меня даже под шапкой снег!

– Дя-дямм! – завопила припорошенная снежком Серафима, соскучившись лежать одна. Катерина подползла к ней, схватила за подмышки и потянула. Обе не сдвинулись с места. Лукерья сделала три больших шага, выдернула малышку из сугроба и поставила рядом с собой.

Серафима вытаращила на Лукерью свои черные бусинки, пошатнулась и плюхнулась обратно.

– Смотрите! – закричал Федот. – Белая собака!

– Аф! – восхищенно откликнулась Серафима.

– Совсем по-другому белая, чем снег, – подумала вслух Лукерья.

– Она белая, как грязный снег, – подхватил мальчик, – и если она ляжет в сугроб, и ей закопают голову, то никто не догадается, что это собака! А потом все ка-ак испугаются и упадут, когда на них вдруг грязный снег залает!

Старшие дети засмеялись, а малышка испытующе поглядела на них и через секунду старательно гоготнула:

– А-ГАК-ХАА!

– А можно к вам в гости? – спросил Федот.

– А нельзя! – тут же, будто ждала, выпалила Катерина. – Мелкая там всех козлов перекокает! Давайте лучше мы вам снежных ангелов покажем.

– Давай! – обрадовалась Лукерья.

Брат и сестра одновременно бухнулись на спины и замахали по снегу вытянутыми руками – вверх-вниз.

– Теперь тащите! Чтоб не смазались! – скомандовал Федот.

Лукерья по очереди подняла детей. И в сугробе остались лежать два маленьких ангела с круглыми крыльями. Тоже, наверное, брат и сестра...

***

Лепит Лукерья лесного хитреца, щербатого пересмешника Ау, что водит путников кругами по чащобе. Лепит и сердится, что облезлые крылышки его никак не хотят расти красиво.

И такой несуразный весь – полуптица, полугриб, полукоряга – глаза б не глядели. Не любит Лукерья лепить таких страшилищ, тьфу на них совсем, никакой узор их не красит, тьфу, тьфу, а вот ведь попросился, какое там – навязался, сам вылез из безропотной глины и подмигивает мастерице: "Не ждала, хозяйка?"

Хочет Лукерья скомкать лешака, скрутить да раскатать по столу. И налепить взамен веселых барашков с дудками. Но знает: никакие птицы и звери после него в этот кусок не пойдут, а если настаивать, появятся на свет такими, что лучше б их не было совсем: унылыми, кособокими – глянешь и сам сгорбишься, помутнеешь, вспомнишь о плохом.

"Смять и за окно", – лихорадочно думает Лукерья, а сама продолжает лепить, как приязанная.

И вдруг понимает, что и в руки ее – скверные и нечистые – уже не пойдут добрые звери, затаятся, отступятся, будут обходить стороной.

"Ой, куда ж я без вас..." – зовет Лукерья, а сама лепит всё быстрее, всё жарче, будто боится, что прервут.

Душно ей, чадно, липкий пар от рук поднимается, застилает глаза, и вот она уже не видит, что там вытворяют ее пальцы...

Вдруг чудится ей, будто сама прабабка Лукерья Георгиевна где-то тут, рядом – суровая, крепкая, как дерево. Пытается Лукерья за нее ухватиться, чтобы выбраться из своего тумана, и видит, что бабка ей будто слова подсказывает...

Тут же в ушах у Лукерьи поднимается визг, лязг, истошное кукареканье – силятся бабкин голос прочь отогнать, запутать.

Но крепка Лукерья Георгиевна, упрямо твердит своё. И понемногу Лукерья начинает слышать и сухими губами, непослушным языком повторяет, как маленькая, совсем не вникая в смысл:

"Душетленных мя пакостей избави... от мысленного волка звероуловлен буду..."

***

После этого Лукерья Георгиевна стала порой к правнучке захаживать. Придет в сумерках, сядет в углу, где тени гуще, а свет зажигать не велит. Отложит Лукерья недоделанную утицу – нелепо же лепить наощупь – вытрет руки ветошью и ждет.

Долго ли коротко ли, начинает гостя рассказывать. Голоса-то будто и нет, слова у Лукерьи сами в сердце складываются.

И всегда об одном и том же горюет в потьмах прабабка, никак не выскажет, не вытянет из себя вековую свою тоску.

"Больше всех я тятеньку любила. С ним бяда приключилась лютая, такая, что и вспоминать о нем заказано. А я все помню. Уйду одна в лес и с ним толкую, ровно он живой. Но не укоряю, не вою, "на кого нас покинул" – не спрашиваю. Ему, чай, и без того не сладко – за оградой ведь схоронили, как нехрестя. А он, тятенька, доброй был, жалел и нас, ребятишек, и скотину, и всякую Божью тварь..."

Только соблазнил его один балабол заезжий, сбил с толку. Пустили его, гадюку, как человека, ночевать, а он язык свой ядовитый распустил, защелкал зубьями: "Жаль мне тебя, грит, так и прозудишь всю жизнь в своем болоте, как комаришко. А человек мечтать мечту должен, о щастьи думу думати..."

Жаль ему, ишь ты, змей жалостливый – с жалом вострым!

А тятенька возьми да и задумайся. Два дни лежал на лавке, думал, почернел весь, мать за попом послала, да тот в отъезде был. Только, я чай, не уберег бы его и поп – больно крепко задумался...

Ночью встал отец, слышу, пошел в сарай, колотить, пилить начал. Я, дуреха, лежу радарадешенька: за работу взялся, стало быть, отлегло. А утром глядим – тятя крылья себе наладил, большие, навроде мельничных... Мамка – кричать, мы – реветь, а он знай лопасти энти холстом обтягивает и ухом не ведет...

Набежали соседи, вязать хотели, да где там. Силен был, как медведь. Раскидал всех и крылья свои окаянные на колокольню поволок. Мама родная! Тут и я догадалась, чего он затеял! Ой-ёй!

А потом думаю: ну нет, не может тятенька обмануться. Он, верно, все расчислил, как надо. Зря мамка воет, зря дверь ломают, ничего с ним не станется – возьмет и полетит!

Полетит-полетит да за мной вернется. Скажет: "Не боишься, Луша?"

А я и не боюсь! И полетим мы с ним высоко, далёко – за синие леса, за синие горы...

И до последнего верила, когда он уже вниз кувыркался: "Энто он так, пужает, вот щас полетит, вот щас..."

А поп наш потом проповедывал: "Возмечтал сей грешный человеце, о чем людям мечтать не велено. Восхотел летать, аки птица. И низвергнут был с небес, подобно отцу всяческой неправды..."

Очнется Лукерья в полной темноте, ветер за окном гудит, стонет. На сердце тяжело, хоть вой. Скорей зажгет Лукерья свет, схватит свою спасительную глину – за работой забыться – не тут-то было.

Помимо ее воли выходят из-под рук бородатый мужик с нелепыми лопастями на плечах и девчонка, задравшая к небу испуганно-восторженное конопатое лицо.

***

Только однажды осмелилась Лукерья с прабабкой заговорить. Задала свой заветный, костью в горле застрявший вопрос, который мучал ее всю жизнь и даже сейчас порой возвращался, чтобы замутировать чистые ключи одинокого счастья.

Заговорила Лукерья и сама так испугалась своей дерзости, что сердце едва не разбилось о ребра, как бедный пойманный зверь о прутья клетки.

Долго молчала старуха, сгушался сумрак, растворялся в нем видимый мир. Легкие, как тень мотылька, растворялись двери в невидимое, которые никому не под силу открыть самому.

Вдруг прабабка заговорила – будто ледяной сквозняк по волосам скользнул.

"Ишь чего захотела, утроба несытая. Радуйся тому, что Бог дал. Ты первая в роду, кому выпало утешение. Все мы без ослабы страдали, на тебе наша мука на убыль пошла, на тебе и род кончится. Отработали, значит, отмыкали Дунино горе. Это дед мой, греходей, до седьмого колена всех нас проклятьем наградил. Соблазнил Дуню, а сам на ее младшей сестре, на Лушке, женился, на бабке моей. Дуня-то уж сильно брюхатая была, а не пожалела, в омут прыгнула... С тех пор все бабы у нас в роду – порченые, на бабью долю свою обиженные: у какой муж помрет, у какой сбежит, у какой с ума сбрендит, у тебя вовсе нет – вот и радуйся, бездетной-то горя мало, токо свое..."

***

С тех пор Лукерья перестала ждать и сделалась, наконец, совсем легкой. Прежняя жизнь ее с муками никак не умиравшей надежды, неутоленностью и обидой осталась лежать в пыли на обочине, как высохшая шкурка погибшей под колесами лягушки, а Лукерья пошла себе прочь, свободная, босая, почти невесомая, все дальше и дальше от человеческого жилья.

Весна, которую она так долго выкликала, шла за ней по пятам, рассыпая из рукавов желторотую мать-и-мачеху, сдувая черемуховый цвет на молодую крапиву, будоража лужи любовными песнями жаб.

Скакали вокруг Лукерьи и тыкались ей в подол барашки-круторожки, дудели в дудки крошки-скоморошки с бубенцами на длинных колпачках, садились на плечи птицы-небылицы с ликами мудрых дев, подмигивали из-под мшистых коряг лохматые шишиги.

Ждала ее рук и живого дыханья упругая глина, безропотная, бессловесная земля, упорный и убогий прах, из которого вылепили нас всех и в который мы все мы когда-нибудь возвратимся.

Дудочка Хильды

Эта история начинается высоко в горах. Хотя нет, начинается она, конечно, гораздо раньше. Но туча об этом не знает. Она лежит животом в удобной ложбинке. Трава приятно

щекочет натруженные бока. Туча отдыхает после долгого перелёта. Набирается сил, дышит, потягивает туман из маленького озера.

Это её любимое место в горах – небольшая плоская полянка, поросшая вереском и мхом. Вокруг высятся скалы, похожие на стариков-великанов, окруживших колыбель новорождённого эльфа.

Всю ночь туча ворочается, слушая сквозь сон, как плещутся в темноте невидимые озёрные жители. Но вот её спину начинает припекать встающее солнце. Туча потягивается – и тут видит его. Человека. Того, что побольше. Он всегда встаёт первым. Выгоняет из пещеры овец, набирает воды из озера.

Туча почти ничего не знает про людей. Сверху их не особо разглядишь. Единственное, что ей доподлинно известно: люди – это беспокойство. И держаться от них надо подальше. Об этом знают все на свете.

Конечно, сначала туча расстроилась (и даже поплакала), когда в её любимой ложбинке завелись эти двое. Однако потом выяснилось, что особого беспокойства от них нет. Они вели себя так тихо и незаметно, что туча, всякий раз прилетая сюда отдыхать, забывала об их существовании. И страшно удивлялась, когда по утрам они вдруг начинали шевелиться у неё под брюхом.

Со временем туча стала догадываться, что это, должно быть, какие-то необычные люди. Они не издавали человеческих звуков. Нет, разумеется, вокруг них роилась тьма мелких шумов, свойственных всему живому: дыхание, биение сердца, хруст ветки под ступнёй. Но не было самых главных. Тех, что выходят у людей изо рта и, сплетаясь в сложные узоры, соединяют их друг с другом. Кажется, они называются "слова". Живя в одной пещере на вершине горы, эти двое не сказали друг другу ни единого слова.

"Что-то здесь не то", – думала туча и поневоле начинала беспокоиться.

Всё-таки правду говорят, что люди – это беспокойство. Даже такие тихие.

***

Мальчик (кажется, это был мальчик, хотя туча не особо разбиралась в людях) иногда поднимал голову и смотрел прямо на неё. Как будто знал, что она его слышит. И как будто (туче нравилось так думать) играл свои печальные песни именно для неё.

Иногда тот, что побольше, оставлял свои бесконечные дела и замирал, опустив на землю полное ведро или охапку хвороста. Вслушивался. Туча видела, что порой он плакал. Кожа у него была твёрдая, изрезанная морщинами, словно окрестные скалы. Слезы терялись на его щеках, как крошечные ручейки в каменных трещинах. Но туча слегка отодвигалась, пропуская солнечный луч, и тогда ручейки вспыхивали золотом. Да, ей не показалось. Старик плакал, слушая дудочку мальчика...

"Какая-то печальная сказка", – скажешь ты.

"Погоди, дальше будет ещё печальнее".

***

Он знал, что рано или поздно они придут за ним. И они пришли. Но им не удалось застать его врасплох. Он специально поселился так высоко, чтобы вовремя заметить приближение угрозы. Старик успел спрятать самое дорогое. Когда на тропинке внизу появились зловещие фигуры в плащах, он схватил ребёнка – дудочка выпала у того из рук – накрыл овечьей шкурой

и посадил в самую середину отары овец. Он уже выпрямился, чтобы идти навстречу неизбежному, но вдруг остановился, нагнулся и хрипло произнёс:

– Когда всё кончится – иди к людям.

Это были первые слова, прозвучавшие на маленькой полянке высоко в горах. Ребёнок, никогда не слышавший человеческой речи, конечно же, их не понял. Но запомнил – как запоминал приходившие в дудочку мелодии.

Они со стариком отлично понимали друг друга без слов. Вот и сейчас дитя знало, что надо затаиться и сидеть, не высовываясь. Знало, что пришла беда. Оттуда, снизу, откуда ей и надлежало явиться.

***

– Где оно? – десятый раз прокричал главарь.

Голос его от бешенства уже клокотал, как кипящий суп, а шрам, тянувшийся через всё лицо, пугающе побагровел.

Старик молчал, спокойно и печально глядя на бесновавшихся оборванцев. Он не знал почти никого из них, кроме однорукого Сэма – разбойники редко доживают до старости. Сэм уцелел лишь потому, что из-за увечья его почти никогда не брали на дело, и он довольствовался тем, что готовил ужин и штопал лохмотья. Занятия, достойные, скорее, деревенской кумушки, чем бандита с большой дороги. Поэтому Сэм пользовался любой возможностью, чтобы показать свою смелость. Вот и сейчас он вопил громче всех. Его поросячий визг перекрывал даже бас молодого главаря.

– Предатель! – надрывался Сэм. – Выкормили, вырастили, спасли от голодной смерти, а он... Громила Йозеф от злости сжевал свой кожаный кошель! Хромой Луис расколошматил в щепки свой костыль! Признавайся, гад, куда дел наше добро!

– Да промотал давно, зуб даю, – незнакомый старику молодой разбойник яростно плюнул на землю. – Сто лет прошло!

– Да ты хоть знаешь, сколько там было! – одноруким Сэм закашлялся от возмущения. – Мешок золота! Как в сказке! Ты когда-нибудь видел мешок золота, молокосос? Нам всем хватило бы, чтобы жить припеваючи до самой...

– Виселицы! – загоготали вокруг.

– Цыц! – прикрикнул главарь и снова приступил к старику. – Показывай, где ты его прячешь! Люди болтали, будто в каком-то озере?

– Тут есть одно поблизости! – крикнул кто-то.

Разбойники схватили старика и поволокли к маленькому озеру, на берегу которого мальчик любил играть свои печальные песни без слов. Маленькая дудочка, лежавшая на прибрежной гальке, хрустнула и переломилась под тяжёлым сапогом.

– Где золото?! Показывай! А не то отправишься молчать к рыбам! – вопили разбойники. Старик кивнул.

– Пустите его, – приказал обрадованный главарь.

Почувствовав, что его больше не держат, старик стал медленно входить в ледяную воду. Шаг, другой. Вот уже рваный плащ заколыхался на воде. Ещё шаг. И вот – озеро проглотило человека. Тихо, почти беззвучно, с еле слышным всхлипом.

– Эй, ты чего! Стой! Вернись! – загомонили разбойники.

Но было уже поздно.

– Опять ушёл! – топнул ногой главарь.

А потом произнёс такое страшное ругательство, которому не место в этой книжке. И вообще ни в одной книжке мира.

***

Всё стихло. Наступила беззвучная звёздная ночь. Овцы жались друг к друг и грели ребёнка, сидевшего, скорчившись, среди них. Их дыхание было тёплым, шерсть – густой. Но он всё равно дрожал. Не от холода. И не от страха. Этот маленький дикарь не знал людей и поэтому не умел бояться.

Просто он знал, что вся привычная жизнь сегодня закончилась. И чувствовал, как что-то новое, неведомое и огромное, как ночное небо, медленно и неотвратно надвигается на него. И вот оно встало над ним и наступило. Как тяжёлый сапог на тростниковую дудочку.

Мальчик выпрямился и полной грудью вдохнул жгучий горный ветер. Новое вошло в него и стало им. Как когда-то стали им маленькое озеро, близкое небо, туча, прилетавшая послушать музыку, овцы и никогда не смотревший на него большой человек, который кричал во сне. А теперь всё это больше не было им. Оно вышло и осталось снаружи.

Такого никогда не случалось. И вот случилось. Значит, жизнь больше, чем ему казалось. Значит, так и должно быть.

Ребёнок загнал овец в пещеру и безмятежно уснул, укрывшись шкурами. Наутро он встал, доел остатки вчерашнего обеда и стал спускаться вниз по тропинке, по которой вчера пришла беда. Потому что другой дороги он не знал.

Проходя мимо озера, ребёнок увидел множество человеческих следов. В одном из них, глубоко втопанные в грязь, белели осколки дудочки.

Он всегда чувствовал, как она зовёт. Просит, даже требует взять в руки и наполнить воздухом. Будто жаждет дышать, а сама не может. Сейчас дудочка больше не звала.

Ребёнок пожал плечами и пошёл дальше. Значит, в новой жизни не будет музыки. Значит, что-то другое займёт её место. Такое же огромное.

***

Он шёл весь день, спускаясь всё ниже и ниже. Порой тропинку перебежали бурундуки, такие шустрые, что он успевал увидеть только чёрные полоски на спине. Солнце делалось всё жарче. В полдень он встал на четвереньки, чтобы попить из ручья, а потом долго вглядывался в своё лицо. Здесь оно было совсем не таким, как в маленьком горном озере.

Он обрывал орехи, росшие вдоль дороги. Ещё незрелые, нежно-зелёные, молочно-мягкие. А к вечеру так устал, что просто не смог сделать следующий шаг – упал и откатился под ближайшее дерево. Оно зашумело над ним, произнося свои лиственные речи, от которых внутри становилось спокойно и вольно.

Ночью ему приснился единственный человек, которого он знал. Лицо, огромное, как скала, склонялось к нему, заслоняя небо, и повторяло свою странную прощальную песню:

«Иди к людям, иди к людям...»

***

– Тырындим-ды-дым, тарандам-да-дам, турундум-ду-дум...

Эта песня звучала снаружи. Подскакивала и кувыркалась в воздухе, как камушек, летящий вниз по склону. Ребёнок, спустившийся с гор, спрятался за ствол старой ивы, которая приютила его на ночь, и прислушался. Песенка звучала легко и задорно, в ней не таилось ника-

кой угрозы. Кроме самой лёгкости, которую он привык ощущать только в листьях и ветре, но никак не в людях. Ведь его единственный человек был тяжелее гор.

– Тыгыдым-да-дам, тугудум-ду-дум... Бумс! Бамс! Ай, ой! У, нечистая сила! Растопырили тут свои корни, ни пройти, ни проехать! Моя нога! Ах! Мой мешок! Ох! Весь товар в пыли! Горе мне сироте! Теперь за это никто гроша ломанного не даст! Говорила же мне покойница-матушка: «Дубина стояросовая, смотри, куда прёшь!» Эх, эх! Бедняга я, бедолага!.. Ну, а ты чего стоишь, глаза пялишь? Взял бы да и помог! Кто ты там есть? Лесной дух али человек? Вон яблоки все раскатились, давай, кидай их сюда, в мешок!

Мальчик сам не заметил, как вышел из-за ивы, чтобы получше разглядеть, что творится на дороге. И теперь отступить было уже поздно. Да и незачем. Человек, ползавший в пыли, не выглядел опасным. Он был ненамного больше его самого. Волосы смешно торчали над ушами, словно маленькие рожки. А ещё он непрерывно издавал звуки. И от этого рядом с ним почему-то хотелось улыбаться.

– Ты глухой? Эй? Ку-ку! Кукареку! Вот послал чёрт помощничка! Яблоки, говорю, в мешок! Смотри: тыдым – тыгыдым, – смешной человечек медленно поднял яблоко и опустил в мешок. – Усёк?

Ребёнок, наконец, догадался, что от него требуется, и, замирая от восхищения, поднял с дороги невиданный алый шар, волшебно блестящий в лучах низкого солнца. На вершине, где он жил до вчерашнего дня, росла одна дикая яблоня, но яблоки на ней вызревали мелкие и кислые.

– Эй, не вздумай слопать! Это на продажу. Да чего ты тарачишься и млеешь, как невеста? Суй в мешок, кому говорят! Ну-ка дай сюда! Сам быстрее сделаю!

***

Он не понял, как получилось, что дальше они пошли вместе. Возможно, причина крылась в бесконечной трещотке звуков, вылетающих из человечка. С их помощью тот, кажется, и добивался, чего хотел. Может, это было волшебство? Как у невидимых озёрных жителей? Он попытался издать нечто подобное, но только хрип и мычание слетели с напряжённых губ.

– Седрик, Седрик, – твердил человечек, стуча кулаком себе в грудь. – Я – Седрик. Это моё имя. А ты кто? Как тебя зовут? Не знаешь? У тебя нет имени? Откуда ты идёшь? А куда? Ты заблудился? Айда вместе в Дётербург на ярмарку? Ты ещё и немой? Эх, бедняга-бедолага. Вот уж повезло, как утопленнику. А я – сирота. Тоже не большая удача. Зато руки-ноги на месте и язык хорошо подвешен, значит, не пропаду! А ты что умеешь? Чем себя кормишь? Попрошайничаешь? Имей в виду – мне лишний рот не нужен! Просто так еды не дам! На-ка, поработай!

Седрик взвалил на плечи спутнику тяжёлый мешок. И тот опять не понял, как это случилось. Но послушно потащил нежданную поклажу. Вскоре пот лил с него градом, а ноги спотыкались о каждый корень, торчавший из земли. Седрик вприпрыжку бежал впереди, иногда нетерпеливо оборачиваясь и подгоняя.

– Что ты хилый какой, прям как девчонка. Уже и выдохся. Нет, чую, зря я с тобой связался. Не будет от тебя никакого толку. Один расход. Вон уже сколько яблок слопал! Ладно, давай сюда товар и проваливай. Чего глаза лупишь? Не понял? Адъё, гудбай, чао-какао! Марш-марш левой! Наше вам с хвостиком!

Наконец, до ребёнка с вершины горы дошло, что Седрик почему-то больше не хочет идти с ним. Он немного удивился. И очень обрадовался. Потому что уже падал от усталости. Дорога шла через поле, на обочине колыхались маки и васильки. Ему нужны были деревья, чтобы поспать, привалившись к надёжному, как скала, стволу.

Он повернулся и пошёл в сторону темневшего за полем леса. Через несколько шагов он уже не помнил о смешном человечке с мешком яблок. Но сзади вдруг раздался истошный вопль:

– Стой! Ты спятил? Не ходи туда! Это же ведьмин лес! Она ест людей! Я пошутил! Пойдём со мной на ярмарку! Вернись, олух! Или жизнь не дорога?

Ребёнок обернулся и увидел, что Седрик, бросив мешок, несётся за ним следом. Это ему не понравилось. Повяло опасностью. Он тоже побежал.

– Да стой же ты! Вернись! Я за тобой не буду гоняться! Вот ещё! Подойдёшь слишком близко – и утянет в лес невидимой верёвкой! Знаю я эти колдовские штучки! Эй, погоди-ка! А, может, это она его заарканила? С чего бы он вдруг туда ломанулся? Ой, мамочка-покойница, защиты-сохрани!

Седрик бросился на утёк, повизгивая, как поросёнок. Когда на краю леса ребёнок обернулся, на дороге уже никого не было. Он пожал плечами и опустился на мягкий мох, моментально забыв своего беспокойного спутника.

***

Он проснулся от того, что на него кто-то смотрит. Взгляд вдавливал в землю так, что болели плечи. Видимо, смотрели уже давно. Ему часто случалось чувствовать сквозь дрему тяжёлый и неподвижный взгляд своего взрослого – там, в горах. В такие моменты ребёнок старался провалиться поглубже в сон, чтобы подольше побыть видимым для человека, который никогда не смотрел на него бодрствующего. Этому, новому взгляду не хватало тяжести, чтобы утянуть его на дно сна – и он невольно вынырнул обратно на поверхность.

Глаза были серые, испуганные и мутные, словно отравленные чем-то, от чего нет противоядия. Глаза таились среди листьев и так напряжённо впивались в него, что он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Однако ему всё-таки удалось приподняться и сесть.

Глаза моргнули и исчезли. Возникли справа, чуть ближе. Сквозь многослойную печаль в них уже мерцали болотные огоньки любопытства.

***

– Что же ты не испугался злой ведьмы? Или ты не слышал, что я откусываю людям головы, а тела бросаю в Проклятое Озеро? Что весь его берег вымощен костями, как городская набережная гранитом?.. Или ты охотник за разбойничьим золотом? Да нет, маловат... Ну, чего не убегаешь? Ноги отнялись? Да ответишь ты мне что-нибудь или нет?! Язык проглотил от страха?

Она уже совсем выбралась из кустов и теперь рассматривала его, уперев руки в бока. Дранный подол длинной юбки украшали колючки и сухие листья. В свалывшихся космах торчал сучок, покрытый серебристым мхом. Она подошла почти вплотную к ребёнку, прислонившись к стволу, нагнулась и завопила:

– Это мой лес! Убирайся!!

Тот отшатнулся и зажал уши.

– Ага! Значит, не глухой. Может, дурной? Нет, глаза вроде ясные. А всё равно так смотришь, будто ни слова понимаешь. Эй, алё, я злая ведьма, которую боятся все на свете! УУУУ! Я тебя съем! Ам-ам!

Она сделала вид, будто что-то откусывает и жуёт. Ребёнок вдруг оживился и радостно закивал, показывая на свой рот.

– Так, ясно, – задумчиво протянула ведьма. – Дурачок. Да ещё и голодный. Теперь не отвяжется. И пугать бесполезно.

Она плюнула на землю. И вдруг молниеносно нырнула в кусты. Ребёнок бросился следом. Есть хотелось страшно. А этот взрослый, кажется, обещал накормить. Несмотря на громкие звуки, опасности он не чувствовал. Только кислый запах печали – точно такой же, как у его человека в горах. Привычный и почти родной.

***

На вершине горы росло немало деревьев. Он всю жизнь водил с ними дружбу, слушал болтливые листья и неслышные, но внятные движения сока внутри. Часто засыпал на их выступающих из земли корнях – спокойно, как обычные дети на руках у доброй старушки няни.

Но столько деревьев он не видел никогда. И это были какие-то другие деревья, словно собравшись вместе они перессорились так, что возненавидели всё вокруг. Тревожные, почти угрожающие. Они истошно скрипели, вцеплялись в одежду и норовили ткнуть в глаз острым сучком. Чёрные стволы сочились гнилью.

Ведьма шла без оглядки, совершенно не обращая внимания на бурелом и колючие заросли. И на ребёнка, который изо всех сил спешил за ней. Но отставал всё больше. Деревья словно сговорились задержать его. Он уже почти потерял её из вида. Он хотел закричать, но тут нога по щиколотку провалилась в ледяную воду. То, что он принял за полянку, оказалось болотом. Ребёнок с горем пополам выбрался на твёрдую землю, весь перепачканный и продрогший. Его одежда – овечья шкура с двумя дырками для рук, подпоясанная грубой верёвкой – промокла и стала ужасно тяжёлой. Он огляделся и понял, что остался один.

Сумерки обступали его, подходя всё ближе. Дождь вкрадчиво забарабанил по листьям, а потом вдруг обрушился весь разом, как водопад.

Ребёнок упал на колени, задрал голову к небу и завыл. Так делал иногда его человек в горах. В дни, когда печаль становилась слишком тяжёлой.

***

Ведьма вернулась. Она стояла чуть поодаль, среди мечущихся кустов на краю болота, и смотрела на него сквозь мокрые волосы и плети дождя. Это был уже совсем другой взгляд. Похожий на завывание ветра в ноябрьской пустоте. Тёмный и протяжный. Потом она решительно шагнула к ребёнку, крепко схватила за ледяную руку и потащила за собой.

– Однажды я уже это слышала, – хрипло кричала ведьма, не поворачивая головы, словно разговаривала с беспокойным лесом и ливнем. – Слышала, как такие звуки выходили из человека. Дорого бы я дала, чтобы это забыть. В ту ночь тот, кого я любила, утопил своё чёртово золото в озере, которое потом прозвали Проклятым. Может, от проклятия оно стало гнить и превратилось в болото? Но, скорее, просто отравилось тем, что проглотило. Ведь туда же он бросил бедняжку Янека, ещё не успевшего остыть.

Ведьма обернулась, и прожгла его взглядом.

– Когда я сейчас увидела тебя на болоте, мне на секунду показалось, что это Янек выбрался обратно. Он был примерно твоих лет. И волосёнки такие же бесцветные. И глаза. Я даже испугалась! Я – лесная ведьма, хозяйка Проклятого Озера!

Она захохотала. Словно залаял простуженный пёс. Или заухал, радуясь добыче, ночной разбойник филин.

– Но теперь вижу, что ошиблась. Ты не Янек. Не тот мальчик, которого он убил своими руками. Не тот... Но он не хотел! Не хотел, я знаю. Они ссорились из-за украденного золота. Янек плакал и говорил, что надо вернуться, вернуть. «Ты просто трус! – орал его брат. – А я жить хочу! Жить!» Он толкнул его – и Янек упал на прибрежный камень. Всё случилось так быстро. Он не хотел. Никогда не хотел. Он же вырастил Янека. Заменял ему отца и мать... А когда понял, что произошло, швырнул клад в воду. И завыл над телом брата... Дорого бы я дала, чтобы это забыть. Руку могла бы отдать на отсечение. Не задумываясь положила бы под топор. Или даже обе.

Ведьма снова вгляделась в ребёнка.

– Нет ты, конечно, не Янек. А я не сумасшедшая старуха. Но я буду звать тебя так. Ты ведь не скажешь своё имя? Да и есть ли оно у тебя? Будешь Янеком, понял? И попробуй только не согласишься!

***

Ведьма жила в башне. Откуда взялась эта башня посреди лесной чащи она не знала. Но была уверена, что люди построили её ради каких-нибудь гадостей и мерзостей. Заточили, например, кого-нибудь невинного. Или даже виновного – всё равно противно.

Башней давно не пользовались. Когда ведьма поселилась тут, внутри уже вовсю росли лопухи и жили улитки, а на осыпающихся карнизах тянулись к небу берёзы-подростки. С тех пор уюта здесь не прибавилось. Да и вообще мало что изменилось. Ведьма только протоптала тропинку от входа (простая дыра в старой кирпичной кладке) к центру, где любила сидеть, беседуя с улитками. Крыша в башне местами обвалилась, и, наговорившись со своими терпеливыми слушателями, ведьма откидывалась на спину и смотрела на небо, светившее сквозь дыры в потолке.

Когда приходила зима, она сворачивалась в клубочек и замирала под листом лопуха, как её подружки улитки. До первых весенних лучей. А летом ведьма крутила нити из травы и вязала детские платьишки, которые с каждым годом становились чуточку больше.

Приведя немного найдёныша в своё укрытие, ведьма впервые увидела, что жилище её мало пригодно для жизни. Чего-то важного в нем не хватало. И вовсе не начищенного воском паркета.

Сквозь дыры в потолке хлестал дождь, под ногами хлюпала грязь, в дыры задувал ветер. В общем-то, в башне было ничуть не лучше, чем на улице. Ведьма зажмурилась, чтобы не видеть, как стучит зубами маленький волчонок, приведённый с болота.

"Если бы я, правда, умела колдовать, – подумала она, – я бы сейчас превратила эти стены во что-нибудь другое. В уютную до тошноты избушку, где в камине трещат дрова, а перед камином стоит кресло-качалка и качается само по себе..."

Но и в этой картинке было что-то неудобное.

"Нет, – поправилась ведьма. – Камин оставим. Кресло, пожалуй, накроем пледом. Рядом поставим дымящуюся чашку. Уже лучше. Хм. Не хватает только кошки. Она накрыла нос хвостом и спит, а уши подрагивают, ловя дробь дождя за окном..."

Ведьма открыла глаза. Вокруг всё было именно таким, как она только что вообразила. Видимо, кто-то в этой истории всё-таки умел колдовать.

"Ой, а где же..." – испугалась ведьма и тут же увидела, что все платья, связанные ею из травы, лежат на стуле в углу, а её улитки преспокойно нежатся под листом фиалки на подоконнике.

"Ну, ничего себе! Даже фиалка! – изумилась ведьма. – Прямо как у людей!"

Она обернулась на найдёныша. Тот уже спал, свернувшись у огня, словно улитка.

«Боже, какие лохмотья! – ужаснулась ведьма. – Но у меня ничего нет, кроме платьев. Так, сейчас закрою глаза и представлю какую-нибудь мальчишескую одежду. Что там они носят? Штаны с подтяжками и рубашку, кажется так?»

Но сколько она ни зажмуривалась, сколько ни придумывала штанов – подробно, вплоть до последней пуговицы – мальчишеская одежда так и не появилась.

«Неужели придётся дать ему одно из её платьев, – испугалась ведьма. – Но с другой стороны, может, уже пора перестать надеяться? Так ведь и с ума сойти можно. А тут – хоть кому-то пригодятся».

Она вздохнула. Потом ещё и ещё. И вздыхала, пока голова не пошла кругом. Тем временем огонь в печке стал угасать. И спящий на полу ребёнок снова начал дрожать. Ведьма хотела накрыть его пледом, но плед исчез. Кресло-качалка тоже постепенно теряло очертания, растворяясь в воздухе. Сквозь приторные обои в цветочек уже проглядывали своды старой башни. Вместо фиалки, укрывая улиток, покачивался лопух. Правда, ещё в нарядном горшочке. Кошка потянулась, поскребла когтями тающий ковёр и прыгнула в темноту – прямо сквозь меркнущую стену.

Тогда ведьма легла рядом с найдёнышем и крепко прижалась к его дрожащему телу. Обернулась вокруг, как домик вокруг улитки. Постепенно они оба согрелись. И она уснула так сладко, будто сама была в домике. В тёплом и надёжном доме.

***

Утром ведьма поставила перед немым лохань с горячей водой, положила кусок мыла и полотенце – откуда-то в развалинах снова стали появляться нормальные человеческие вещи. Потом вздохнула и повесила на стул одно из её платьев.

– Давай, мойся, парься. А потом я тебя съем, – мрачно ухмыльнулась она.

Ребёнок только глазами захлопал.

– А, чтоб тебя, немой-глухой-калечный, свалился на мою голову! Даже попугать не выходит! – ведьма топнула ногой, потом ткнула пальцем в чан, мол, полезай, а сама вышла наружу.

Может, еды какой ему поискать? Сама она отродясь не готовила. И запасов не делала. А если хотела есть, то шла на большую дорогу и выла. И хохотала. И выкрикивала страшные проклятия. А при этом ещё и плясала, ввинчиваясь босыми пятками в грязь... Так что невезучий путник, ехавший на ярмарку, в ужасе кидал свой мешок и улелётывал во весь опор. Но сейчас идти на промысел ей почему-то не хотелось. Вдохновения не было что ли? Или – какая дикая мысль! – не хотелось надолго отлучаться от этого оборванца? Кто его знает, убогого, может, захлебнётся там в чане.

– Ну, и утопнет, мне-то что? Жалко что ли? – ведьма сердито вздёрнула нос.

Но в следующую секунду уже неслась к башне. И сердце выпрыгивало из горла, а потом возвращалось внутрь, как часовая кукушка.

Нет, найдёныш не утонул. Он сидел на полу в зелёном платье и хлопал своими дурацкими глазёнками. Глазищами. Весь такой чистенький. Увидев её, он радостно замычал – и показал себе на рот.

– Ага, разбежался, кормить я его сейчас буду. Может, ещё паровозик игрушечный выклянчишь?

Тут она заметила, что держит в руках тёплый каравай. Ведьма жадно втянула этот запах, и у неё закружилась голова. С тех пор, как она не жила среди людей, она не нюхала свежего хлеба... Сама не заметив как, она плюхнулась на пол рядом с немым, разломил каравай пополам, и они вдвоём жадно умяли всё буквально за минуту. А может и меньше.

***

– А в платье ты совсем девчонка, – заметила ведьма и снова принялась безудержно вздыхать. – Ты вообще слишком хорошенький для парня. Особенно, если отмыть... Моей дочке сейчас было бы примерно, как тебе. Он у меня её украл, представляешь? Едва она родилась. Я уснула, а когда проснулась – никого нет. Ни его, ни малышки. Зачем он так со мной? За все эти годы я так и не поняла. Хотя он объяснял – ну, до того, как перестал разговаривать. Мол, хочет меня освободить от всех следов связи с ним, чтобы я могла вернуться к людям. То же мне освободитель нашёлся! Да и на кой мне сдались какие-то люди без моей девочки! И куда он её дел? Утопил в озере, как беднягу Янека? Отдал чужим людям? Или вырастил в очередной разбойничьей шайке? Хотя нет, среди разбойников его нет, это я точно знаю. Его бывшие дружки весь белый свет перерыли, разыскивая золото, которое они с Янеком у них украли. Хотя я им честно сказала, что оно там, посреди проклятого болота. Но дураков лезть в трясины не нашлось. Потоптались на краю, почертыхались и ускакали прочь... Зачем я тебе всё это рассказываю? Одичала совсем. Только с улитками словом и перемолвишься в этой башне. К людям я так и не вернулась. Что я там забыла, у людей, спрашивается? Хватило с меня и одного человека. На всю жизнь. Больше не надо, спасибо!.. Слушай, а ведь тебе без разницы, какое имя, да? Ты ведь всё равно ничего не понимаешь? Давай я тебе подарю имя моей девочки?

Хотя какой смысл – я ведь не собираюсь тебя оставлять. Сейчас немного отдохнёшь и топай дальше, понял?

***

Но за окном уже смеркалось. И ведьма подумала: не выставлять же беднягу за дверь на ночь глядя. А на следующий день выпал снег. И ведьма решила сшить найдёнышу тёплую одежду. Точнее, она сначала, конечно, попыталась её представить, чтобы получить побыстрей, но ничего не вышло. Хотя возникший у неё в голове тёплый и уютный дом довольно уверенно существовал внутри развалин старой башни. Порой его стены становились прозрачными, и вещи то и дело терялись. Но в целом тепла и уюта им обоим хватало.

Ведьма мысленно уже называла найдёныша приёмным. Она сама не заметила, как произошла эта подмена. Когда он засыпал, она садилась рядом и произносила: «Хильда, Хильда». Имя исчезнувшей девочки царапало горло, как толчёное стекло, но ведьма упорно приучала его выходить наружу. Сама не зная зачем.

Белёные волосы ребёнка отросли, но она не собиралась их стричь, продолжая свою безнадёжную игру. Каждое утро она причёсывала его, напевая песенку, которую когда-то, в прошлой жизни, пела мать, заплетая ей косы.

– Это – Хильда, – шептала она уснувшим на зиму улиткам. – Конечно, не моя. Но какая разница.

– Это – Хильда, – сообщала она деревьям, что заглядывали в башню через дыры в стенах. – И не смейте спорить!

– Это – Хильда, – говорила она своему приятелю-ветру, частому гостю в развалинах. – Давай, дуй отсюда. А не то её продуешь!

«Выпровожу его, когда растает снег. Нет, когда просохнет земля. Да, и когда кончатся ночные заморозки. Или – когда пойдут ягоды? А то ведь оголодает по дороге. Бедная маленькая Хильда, куда же ты пойдёшь? Тебя любой обидеть может. С людьми надо держать ухо востро, уж я-то знаю! А, может, проводить её? Ну уж нет! Выйти из леса? Дудки! Или – не отпускать? Оставить, вырастить... А смысл? Чтобы она тоже всю жизнь просидела у вонючего болота, пугая случайных путников? Зачем ей это нужно? А мне это зачем?»

Тут ведьма начинала злиться и выбегала в лес, чтобы выпустить свою злость на волю.

«Так, спокойно, – говорила она себе, вдоволь напрыгавшись по сугробам и всласть наоравшись. – Я здесь сижу, потому что меня обидели. И потому что больше не хочу жить с людьми. У меня есть веская причина!»

Но с каждым разом сама всё меньше верила этим словам.

***

Ребёнок по-прежнему ничего не говорил. Но внимательно слушал. Из женщины изливалось очень много музыки. Потоки и водопады, ливни и цунами. Постепенно он стал различать в этой стихии отдельные повторяющиеся звуки. Некоторые всегда появлялись рядом с какой-нибудь вещью, словно их связывали невидимые нити. Порой ночью ведьма плакала над ним, думая, что он спит. Тогда её музыка звучала так:

«Кто ты? Кто я? Иди к людям... Нет, не пуцую... Ну, пожалуйста, ещё немного...»

Снег растаял, земля просохла, первоцветы настырно раздвигали сухую траву на солнечных опушках. Ребёнок стал гулять в лесу. Ведьма, разумеется, не выпускала его из вида, прячась за кустами, которые уже немного оперились листвой. Чаще всего мнимая Хильда ходила к Проклятому болоту. Оно наполнилось талой водой и кое-где даже напоминало озеро. Хильда

забиралась на ствол упавшей ивы (у ведьмы замирало сердце – упадёт, убьётся!) и подолгу всматривалась в своё отражение. Будто напряжённо пытаюсь что-то понять.

***

Однажды, когда ведьма отправилась промышлять на большую дорогу, Хильда решила исследовать развалины старой башни. Она вскарабкалась по полуразрушенной винтовой лестнице, перепрыгивая через пустоту, зиявшую на месте обвалившихся ступеней.

Наверху ничего интересного не нашлось, кроме осколка с синим цветочком – видимо, от разбитой чашки – неведомо как забравшегося сюда.

Хильда уже хотела спускаться. Как вдруг в дыру ворвался ветер – и раздался звук. Такой печальный. И такой знакомый. Хильда бросилась к нему, как охотничья собака. Стала обшаривать стену вокруг пролома – и в щели между камнями нашла маленькую деревянную дудочку. Точно такую же, как была у неё в горах. Здесь в лесу она много раз пыталась заставить звучать деревяшки, но ведьма (с криком «Порежешься!») тут же отбирала у Хильды нож. Да та и не знала толком, как это делается. Ведь ту, первую дудочку, вырезал её взрослый.

Она поднесла инструмент к губам и закрыла глаза. Музыка полилась тут же, будто всё это время ждала у порога. Копилась по капле и теперь обрушилась водопадом. Музыка вымывала изнутри всю грязь и гниль, смывала плотины молчания.

«Кто ты? Кто я? – пела музыка. – Иди к людям...»

И всё вдруг становилось понятным. Ясным, как белый день.

Ведьма, возвращавшаяся с охоты, уронила на землю мешок яблок, отобранный у болтливого парнишки с оттопыренными ушами. Проклятое болото стремительно наполнялось чистой водой, будто где-то подняли шлюз. Ведьма помчалась к башне. Там уже никого не было. Только хвост удалявшейся музыки мелькал между сосен.

– Хильда, нет! – завопила ведьма, бросаясь вдогонку. – Нет, не пущу!

Она бы, конечно, догнала свою пленницу. Она всегда её догоняла и возвращала себе. Но тут словно наткнулась на невидимую стену. Музыка не давала приблизиться. Можно было только плестись следом на почтительном расстоянии. И смотреть, как невозможная сбывшаяся девочка уходит всё дальше. Всё ближе к людям.

Ведьма мотала головой и затыкала уши, пытаясь не пустить музыку в себя. Но та всё равно проникала внутрь. Впитывалась и врывалась. И всё меняла.

Они уже шли по большой дороге.

***

На валуне у дороги сидел маленький лесной житель и сосновой иголкой латал свой выдавший виды колпак. Хильда, опустив дудочку, с любопытством склонилась над ним.

– Кто ты? – вдруг сделали её губы.

– Обычный глупый человеческий вопрос! – фыркнул лесной житель. – Какая тебе разница, кто я? Лучше бы спросила, кто ты. Я б сказал. Всю вашу идиотскую душеспитательную мелодраму изложил бы в деталях. Ну, давай, задай правильный вопрос. Ведь я могу ответить только на один.

Хильда подождала, прислушиваясь, не вылетит ли из неё ещё какая-нибудь человеческая музыка. И вскоре та появилась.

– «Иди к людям» – как это?

– Ёлки-моталки, очередная глупость! Неужели это, действительно, то, что тебе нужно знать? Ну, дело твоё. Ближайшая деревня – там, за поворотом.

Он махнул ручонкой, и Хильда отправилась дальше, наигрывая на дудочке.

– Странные они создания, эти люди, – пробормотал лесной житель, тая в воздухе.

Последнее чудо

Это случилось давным-давно, когда деревья умели ходить, рыбы болтали без умолку, а на лунных лугах паслись стада белоснежных единорогов. Единороги плескались в тёплых молочных реках, нежились на белом сахарном песочке и скакали с одного цветка на другой.

А цветы на Луне росли такие огромные, что их лепестки могли без труда удержать не только легконогих единорогов, но даже неуклюжих мамонтов, которые, подобно шмелям, любили качаться в чашечках ландышей и белых лунных колокольчиков.

По ночам взрослые единороги поднимались на пологие холмы и, затаив дыхание, любовались медленным восходом Земли, занимавшей почти всё небо. Их серебристые гривы раздувались ветром дальних странствий, как призрачные костры, а в копытах нетерпеливо позвякивали перелётные радуги.

Но единороги стояли неподвижно, как замороженные, не в силах отвести взгляд от лица соседней планеты. Оно было таким печальным, это лицо, и таким непонятным, что выдержать его присутствие могли только взрослые. Маленьким единорогам строго-настрого запрещалось не спать ночами, и если кто-то всё-таки просыпался и видел Землю, то это означало, что ему пришла пора становиться взрослым. Увидевший Землю больше не мог уснуть, и в душе его поселялась безымянная тревога, которой не знают дети.

Голубое сияние горчило, как несбыточная надежда, манило и отталкивало, сбивало с толку, будто кто-то звал на помощь и тут же – угрожал и сыпал проклятиями. Единороги вздыхали и поднимали к небу глаза, полные светлых слёз.

Однажды утром, когда Земля почти скрылась за горизонтом, и единороги спускались с холмов, чтобы разбудить своих малышей, спавших под пологом белой сон-травы, откуда-то с обратной стороны Луны появился единорог-отшельник.

Он так долго жил там, куда Земля уходила каждое утро, так долго был наедине с её горьким светом, что научился понимать его зов, разобрал в нём жажду миллионов живых существ.

"Послушайте и услышите меня, свободные дети Луны! – сказал отшельник. – Там, на Земле, люди страдают и умирают в тисках тоски. Они утратили веру в чудо, и чудеса перестали случаться. Их души слепы, как узники тёмного подземелья. И дерево их жизни засохло до самых корней... Послушайте и услышите меня, свободные дети Луны! Как можем мы купаться в наших сладких реках, когда их океаны горьки от пролитых слёз? Как можем оставаться беззаботными, видя искажённый лик этой бедной планеты? Мы должны помочь нашим младшим братьям – вернуть на Землю чудо..."

И единороги решили отправиться в путь. Отшельник в своих снах часто странствовал по Земле и успел проникнуть в некоторые её тайны. Он знал единственную ночь в году, когда земные воды, полные печали и сожалений, празднуют именины и делаются такими плотными, что по лунной дорожке, мерцающей поперёк любого озера, можно перейти с Луны на Землю и обратно.

Вот в такую ночь единороги и спустились на Землю, чтобы принести людям чуточку волшебства. Именно чуточку, ведь каждый единорог мог исполнить за всю жизнь только одно человеческое желание. Потому что мечты людей очень тяжелы, в отличие от невесомых просьб травы или молчаливых чаяний почвы, которые единороги исполняли, не считая.

Единороги светились в ночи, как волны северного сияния, каждый – своим цветом. Они вставали на вершины холмов, освещая дорогу запоздалым путникам – и те в мгновение ока добирались до ночлега, заглядывали в окна к бессонным поэтам, проливая млечное свече-

ние на недописанные стихи – и строчки складывались сами собой, рассказывая что-то гораздо более важное, чем задумывал сочинитель...

Мысли единорогов быстры, как ветер. Поэтому им казалось, что прошла целая вечность, прежде чем люди начали понемногу догадываться, кто такие эти светоносные лошади и какой волшебной силой они обладают.

Но людям так никогда и не пришло в голову, что единороги готовы были исполнять их сокровенные мечты просто так, не требуя ничего взамен. Что они сами искали встречи с людьми и шли им на помощь по собственной воле.

Люди мерили всех своей мерой. И были уверены, что единорогов надо ловить, гнать с трубами и улюлюканьем, как несчастных земных зверей, а после грубостью и силой принуждать к службе.

Но единороги были рождены свободными. Их волшебство, как любой дар, пропадало в неволе. А люди теряли голову от злости, думая, что единороги упрутся, и их необходимо сломить и заставить...

То, что творили с пойманными единорогами слишком страшно, чтобы об этом можно было рассказать.

Глядя на страдания своих детей, Луна окаменела от горя и невозможности помочь, молочные реки высохли до самого дна, луга превратились в пыльные пустыни. Каждую ночь склоняла она скорбный лик над тёмной Землёй, тянула к ней белые руки и звала, звала обратно своих несчастных, доверчивых и благородных, сыновей и дочерей. Но голос её был слишком тих. К тому же тяжёлый воздух гонений отшиб у единорогов память о прошлом, и они забыли путь домой.

Порой кто-нибудь видел во сне лунную дорожку, что в незапамятные времена привела их на планету скорби, но, пробудившись, не мог вспомнить ничего, кроме беспорядочного блеска и мерцания. После таких снов неласковая мачеха Земля казалась ещё более грубой и жестокой, а боль от людских преследований делалась совсем невыносимой.

И постепенно единороги стали считать сны, подсказывавшие дорогу назад, тяжёлой болезнью. Они лечились от неё горькими земными травами, окунали головы в ледяные ручьи, чтобы смыть малейший след воспоминаний. И после этого память, действительно, переставала беспокоить.

Многие молодые единороги, и вовсе, были уверены, что их род всегда обитал на Земле, всегда был истребляем людьми, которых уже никто не называл младшими братьями – только врагами и мучителями, и всегда спасался от них бегством, не прекращающимся ни ночью, ни днём.

Легенды о счастливой лунной жизни они считали вредными выдумками, мешающими главной цели: выживанию.

"Этого не было никогда! Молочные реки? Сахарные берега? Детские сказки!"

Сами того не замечая, единороги всё больше ходили на своих двуногих врагов. Несчастные, загнанные, не верящие ни во что хорошее. Даже говорили они теперь так же открыто и неприятно, а ведь когда-то их речь была мелодичной, как пение соловья.

Волшебство давно покинуло их, но единороги были так измотаны, обижены и напуганы, что даже не заметили этой потери. Они неслись, не разбирая дороги, оставляя клочья бело-снежной шерсти на колючих кустах, их бока тяжело вздымались, пар валил от спин, и они уже ничем, совсем ничем, не отличались от других животных, истребляемых людьми.

Ну, а люди с появлением единорогов окончательно утратили человеческий облик. Когда-то счастливые дети Луны пришли на Землю, чтобы помочь этим бедным существам, разучив-

шимся мечтать. Но мечты людей, выпущенные на волю, сделали земную ночь ещё страшнее. Вместо чудес её наполнили чудовища.

Каждый человек хотел быть хозяином мира, владельцем всех земных богатств. И видел в остальных лишь помеху на своём пути.

Стоило двум людям встретиться, как они начинали кричать: "Я изловлю единорога и стану повелителем Вселенной!" – "Нет я!" – "Нет я!"

И уже не могли остановиться. После ругани в ход шли кулаки, потом камни, потом оружие...

В городах и сёлах, на лесных полянках и горных тропинках – всюду, где ступала нога человека, звучал этот клич: "Мне! Моё! Я!"

А в ответ тут же доносилось: "Нет – я! Нет – моё! Нет – мне!"

Чёрная жажда, сжигавшая души дотла, распространялась повсюду, как чума. В погоне за тем, чего нет, люди бросали то, что у них было, и сломя голову, мчались, кто куда: кто за единорогом, кто за синей птицей, кто за журавлём в небе.

Поля зарастали крапивой, дома, оставшиеся без хозяев, ветшали и разваливались, бельё улетало с верёвок, зонты, перчатки и сумки уезжали в автобусах и больше не возвращались.

Всё пришло в упадок и запустение, перестало работать, и вскоре люди дрались уже не за мировое господство, а за кусок хлеба. Вражда и ненависть поселились в каждом сердце и хозяйничали там, как хотели.

Учёные изобретали всё более страшное оружие, соревнуясь в его разрушительной силе. И, наконец, настал день, когда чей-то ум, поглощённый тьмой, выдумал бомбу, способную уничтожить всю планету.

И никто не испугался, не подумал, что пора остановиться. Зло настолько исказило людей, что они – возликовали, и каждый подумал: "Я! Я завладею этим оружием и подчиню себе мир! И если что-то будет не по-моему, то всех убью!"

Скоро такая бомба была в каждой стране, потом – в каждом городе. Ещё чуть-чуть – и она оказалась бы в кармане у каждого проходимца, как складной нож. Ведь учёные без устали трудились, чтобы сделать новое оружие более доступным и удобным для использования...

Уже несколько раз богачи – а бомба была пока только у богатых – во время дефекации денег угрожали друг другу всемирной катастрофой, один даже нажал на "Пуск", но кнопку заело: изобретение было ещё не совсем доработано и давало осечки...

Землю могло спасти только чудо. А единороги, последние носители волшебства, давно истлели в застенках, задохнулись на бегу или превратились в обычных земных животных.

Но чудо всё-таки было возможно, хотя об этом никто не знал. Чудо сделалось осторожным и недоверчивым, оно скрывалось в пустыне, оно научилось не отбрасывать тени и ступать, не оставляя следов. И в тот момент, когда без него уже нельзя было обойтись, оно осторожно вышло из укрытия и стало приближаться...

Старый единорог-отшельник, который в незапамятные времена привёл своё счастливое племя на горькую Землю, пробудился от сна в глубине пещеры. Это была древняя пещера со множеством запутанных ходов, ледяными колоннами и озёрами, полными неподвижной воды.

В самом начале их земного пути, когда люди ещё не охотились на единорогов, отшельник удалился в это тайное место, и никто не знал, где он. Едва ступив на Землю, он понял, что совершил ошибку, и теперь душа его искала тишины, чтобы во всём разобраться.

В пещере было так темно, что он не мог определить открыты его глаза или закрыты, спит он или грезит наяву.

– Зачем ты увёл их? Верни мне моих детей... – горько укоряла его Луна.

– Я хотел помочь... Разве это неправильно?

– Все погибнут.

– Но в чём я ошибся?

Старый отшельник кружился в водовороте безответных вопросов и никак не мог вырваться.

В его сны проникал ужас гонимых единорогов, но он не знал, как их спасти. Капали невидимые капли с невидимых сводов, словно утекало время. И мудрец боялся, что когда-нибудь оно иссякнет совсем.

– Уже неважно, в чём я ошибся, светлая мать Луна. Скажи, как это исправить.

– Слушай и услышь меня, неразумный мудрец! На всей Земле остался один-единственный человек, который мечтает о мире. Его мечта крепка, и свет её поднимается к небу, хотя ему совсем немного лет. Ты – единственный из моих детей, сохранивший волшебную силу. Найди его! И исполни его желание. Времени больше нет. Того и гляди, они разнесут вдребезги и Землю, и Солнце, и Бессмертное Небо! Я укажу тебе путь. Скорей!

И отшельник отправился в дорогу. Это было печальное путешествие. Через заросшие поля, покинутые селения, грохот выстрелов и мглу пожаров. Но горче гари и дыма был дух ненависти, царивший всюду. Слезы застилали глаза последнего единорога, когда он шёл сквозь этот отравленный мир. Но Луна, не сходявшая с неба даже днём, гнала его вперёд, повторяя:

– Не время плакать. Времени больше нет.

И он брёл, спотыкаясь о груды камней, что когда-то были домами, проваливаясь в воронки от взрывов. Он едва передвигал ноги, словно дряхлея с каждым шагом, но всё-таки продолжал путь.

Отшельник шёл, почти не скрываясь. Люди уже забыли о единорогах, их алчность была теперь направлена на поиск самой смертоносной бомбы. Да и выглядел он, как самая обыкновенная кляча. В мёртвом воздухе войны его сияние угасло, хотя сокровенная волшебная сила ещё тлела под пеплом ужаса и тоски.

Он почти не верил, что доберётся до цели. Мучительный путь казался бесконечным. И всё-таки однажды Луна остановилась над вершиной холма и выдохнула:

– Здесь.

Из последних сил единорог вскарабкался по каменистому склону. Внизу лежала маленькая, когда-то милая деревенька. Кое-где ещё виднелись остатки белых стен и крыш из красной черепицы. Чудом уцелевшие одинокие деревья простирали над пожарищами свои цветущие ветви. В мире, оказывается, была весна, но только растения ещё пытались помнить об этом.

Все жители деревни были на улице. Одни бежали куда-то, другие кричали, размахивая кулаками, третьи тащили, сгибаясь от тяжести, огромные тюки. Обычный военный хаос, к которому единорог уже привык...

Во дворе полуразрушенного дома сидел на земле светловолосый мальчик. Он единственный никуда не бежал. Его лицо было перепачкано золой и пылью. По щекам тянулись две дорожки слёз. Единорог уже собирался отвести взгляд, как вдруг мальчик посмотрел вверх. И свет его глаз пронзил старика, как молния.

– Это он! – воскликнул последний единорог.

– Да! Скорее! – отозвалась Луна.

И в эту секунду во двор, где сидел мальчик, упала бомба. Раздался взрыв, всё заволочло дымом. Это была не та супер-бомба, способная уничтожить весь мир, за которой охотились обезумевшие люди. Нет, самая рядовая, старая бомба. Но единорогу показалось, что мировая катастрофа разразилась у него на глазах.

Он не помнил, как очутился внизу, как отыскал тот двор, уже не узнаваемый под кучей обломков. Помнил только, как вновь увидел мальчика. Полузасыпанный землёй, тот лежал,

раскинув руки. Глаза его были широко раскрыты. Но их свет был уже странен и холоден, как мерцание далёкой звезды.

Единорог приложил ухо к груди ребёнка, пытаясь сквозь грохот взрывов услышать сердце, где жила мечта о мире.

Вдруг что-то лёгкое, как крыло ветра, прикоснулось к его гриве. Мальчик попытался его погладить! Единорог осторожно поднялся и заглянул ему в глаза. Они немного потеплели и приблизились.

– Ты согрела меня, лошадка, – прошептал мальчик.

– Единорог. Я – единорог. Я могу исполнить одно твоё желание. Любое. Но лишь одно.

– Так холодно... Я умираю?

– Не знаю. Наверное. Кажется, да.

– Мне страшно. Я не хочу.

– Любое желание, малыш. Любое. Ты можешь пожелать – остаться в живых, и никогда не узнаешь смерти.

– Что ты делаешь?! Опомнись! – беззвучно вскричала Луна, но единорогу было всё равно: сейчас он хотел только одного, чтобы этот ребёнок жил. Чтобы он попросил о жизни.

– Совсем любое? Даже о-очень большое?

– Да!

– Как холодно... Ты не мог бы снова лечь рядом? Я шепну тебе прямо в ухо.

– Да.

– Я хочу, чтобы никогда...

– Никогда не умирать?

– Чтобы никогда больше не было войны, – выдохнул мальчик, и единорог заплакал.

Его волшебная сила была велика, желание в ту же секунду начало сбываться. Бомбы прямо в воздухе становились большими сдобными булками, в руках у людей вместо автоматов оказывались букеты ромашек, а сердца, только что охваченные злобой, наполнялись недоумением и стыдом. Солдаты расходились по домам, жуя падавший с неба тёплый хлеб, по которому так соскучились.

Танки превращались в добрых слонов, пушки – в длинношеих жирафов. Но единорогу не было до этого никакого дела. Он лежал рядом с мальчиком, грел его – и не мог согреть.

Незнакомые люди обнимались на улицах, дарили друг другу цветы и просили прощения. А единорог дышал на маленькие ладошки и чувствовал, что они становятся всё холодней.

Все вокруг смеялись и пели песни мирной жизни, с непривычки путая слова, а последний единорог плакал. И не хотел утешиться.

Наступил вечер. Луна расстелила посреди маленького деревенского пруда свою манящую, мерцающую дорожку.

– Пора домой, сын мой. Ты сделал всё, что мог. Надо возвращаться.

– Нет!

– Поспеши! Сегодня последняя ночь. Я закрываю ворота. Лунная дорожка больше не будет никуда вести. Но ты успеешь.

– Я устал успевать. Устал уходить и возвращаться. Я хочу остановиться. Остаться. Здесь.

– Но его ещё можно спасти... Неужели не помнишь?

– О чём?

– Там, откуда ты родом, смерти нет...

Через минуту последний единорог уже поднимался по мягкой серебряной дороге. Светловолосый ребенок крепко спал у него на спине. И во сне медленно согревался.

Жила-была девочка

***

Жила-была девочка, которая всегда носила с собой длинную сосульку. Если ей казалось, что кто-то подошел слишком близко, она выставляла ее перед собой, чтобы измерить расстояние. Человек наткался на что-то холодное и чувствовал укол в сердце, как будто девочка сказала ему неприятное. "Лучше не буду приближаться" – думал человек и отходил.

Больше всего девочка любила дружить в письмах. Ведь письма пишут те, кто не может подойти слишком близко и уколоть в сердце.

***

Жила-была девочка, у которой был хвост. Длинный, упругий и такой же любопытный, как нос. Гуляли они так: хвост заглядывает в один уголок, нос – суется в другой.

Иногда девочка прыгала на своем хвосте, как на пружине. Она могла запрыгнуть даже на крышу. И там лежать и смотреть кино облаков.

Потом девочка вставала на провод и шла над городом, балансируя своим хвостом, как цирковая гимнастка.

Никто не знал, что у нее есть хвост. Все думали, что она просто какая-то странная.

***

Жила-была девочка, которая очень хотела быть хорошей. Часто для этого ей приходилось делать что-то плохое себе. потому что это плохое было хорошим для других.

Однажды, когда все, для кого она хотела быть хорошей, уснули, девочка сбежала в горы. Там она сидела совсем одна, смотрела на озеро и испытывала какое-то незнакомое чувство. Кажется, это было счастье. А может быть, просто облегчение.

Ей даже не хотелось возвращаться, но она, разумеется, вернулась. Ведь именно так должна поступать хорошая девочка. А вот должна ли она убегать одна в горы, когда все спят? Это большой вопрос. Поэтому девочка никому ничего не рассказала. Хорошо ли это? Тоже вопрос.

Зато теперь у нее внутри есть маленькое горное озеро. И она сбегает туда, когда ей становится слишком плохо от того, что она такая хорошая.

***

Жила-была девочка, которая очень боялась темноты. Когда наступала ночь, она зажмуривалась изо всех сил и твердила:

– Сейчас светло, сейчас белый день, а все, кто говорит, что темно, ничего не понимают, им, наверное, промыли мозги.

Темнота очень смеялась. Она сидела внутри девочки и дергала ее за руки, раздавая тумаки направо и налево.

– Вы все врете, – кричала девочка, – сейчас день, день, день! Щас как дам, дам, дам!

Потом, и правда, приходил день, но девочка этого не замечала. Она продолжала жмуриться, махать кулаками и кричать.

А темнота внутри нее очень смеялась.

***

Жила-была девочка, у которой была большая сила. Она могла поднять гору и переставить в другое место, могла переплыть океан, могла приготовить обед на весь город, могла наловить целую стаю жар-птиц и уговорить их сидеть на дереве у нее в саду.

– Я все могу, – говорила девочка.

– Она все может, – говорили все.

Но вот однажды большая сила открыла маленькую дверцу у нее в голове, протиснулась туда и была такова.

– А так можешь? – прошептала слабость. – Со мной сладишь?

Девочка лежала на жестких стульях в больничном коридоре и думала: "Не могу, не слажу".

Но потом смогла и сладила. Потому что она на самом деле, все могла. Ей это не казалось.

А сила нагулялась, нарезвилась в степи с табунами диких кобылиц – и вернулась обратно. Еще сильнее, чем была.

***

Жила-была девочка, у которой было большое Нельзя. Сначала оно было размером с маму и говорило ее голосом. Потом Нельзя стало как небо – куда ни пойдешь, отовсюду смотрит. И громом грозит, и молнией мочит. Девочка очень старалась не злить свое Нельзя.

– Все будет хорошо, – говорила девочка себе и коту, с которым жила. – Все было, есть и будет хорошо. Главное – не нарушать.

Но однажды поздно вечером она зашла в магазин за кормом для кота и увидела черный виноград. Он лежал в подмоченной картонной коробке, матово блестел и сильно пах. Руки девочки сами потянулись к нему и положили в корзину. Дома девочка села за стол и стала есть.

"Нельзя обжираться на ночь! – гремело у нее в ушах. – Нельзя, когда так сладко! Нельзя наслаждаться! Нельзя! Нельзя!"

С каждым новым "нельзя" девочка лопала зубами очередную ягоду. Липкий сок тек по острому подбородку, капал на стол и на пол.

Когда от кисти остался один скелет, девочка умылась, отмыла квартиру от винограда и села посреди кухни на табуретку – ждать наказания от своего Нельзя.

Долго ли она ждала, мы не знаем, но однажды дверь в квартиру открылась, и вошел страшный черный мужик. Не говоря ни слова, он стал бить девочку. А девочка летала по кухне и радовалась: "Вот оно, наказание! Теперь все снова будет хорошо! Главное – перетерпеть!"

Долго ли она летала, мы не знаем, но вот радость стала кончаться, а наказание – нет. Потом терпение тоже стало кончаться, а наказание – нет. А потом руки девочки сами схватили ковшик из нержавеющей стали и вдарили черному мужику в лоб. Мужик тут же упал и больше не подавал признаков.

Девочка умылась, отмыла квартиру от крови и села посреди кухни на табуретку – ждать наказания.

Может быть, она до сих пор там сидит. Но нам слишком страшно заглянуть в ее окно еще раз.

***

Жила-была девочка, которая всегда носила в кармане роутер, раздававший очарование. Роутер работал даже, когда девочка оставалась одна, и очаровывать, казалось, было уже некого.

Но роутер не уставал, и заряд в нем не кончался, и девочка расточительно рассылала волны очарования кафельной плитке в ванной и струям воды из душа.

"Ах, мы в восхищении! – стучали зубные щетки в стакане. – Пусть она сегодня выберет меня! Нет, меня!"

Разумеется, все люди, попадавшие девочке на пути, были совершенно ею очарованы. Им хотелось смотреть на нее подольше, желательно – всегда. Не только, когда она в красивом платье идет по улице, и ее улыбка плывет по витринам, как солнечная ладья, но и когда она дома в старой пижаме чистит зубы или прочищает засорившуюся раковину, матерясь, как сантехник.

Так что у девочки был большой выбор, и она, разумеется, решила выбрать самого-самого. Долго ли она его искала, мы не знаем, но в один прекрасный день Самый-Самый переступил порог ее квартиры и пообещал, что отныне раковину будет прочищать только он. Девочка запрыгала и захлопала в ладоши, и от волн ее очарования зарябило в глазах. Самый-Самый даже слегка поморщился.

А потом морщиться он стал все чаще. Девочка одним махом очаровала всех его друзей, так что теперь они звонили ей, а не ему. И даже мама, которая всю жизнь в нем души не чаяла, стала какой-то невнимательной, зато с девочкой то и дело запиралась на кухне и секретничала над чашечкой кофе.

Самый-Самый не мог такого стерпеть, и однажды ночью, когда девочка спала, насыпал в ее роутер соли. Роутер вздрогнул, чихнул и задымился.

"А она потолстела, – злорадно заметил Самый-Самый, разглядывая спящую девочку. – Вон и второй подбородок намечается!"

– Как ты отвратительно гримасничаешь, когда чистишь зубы! – сказал он ей наутро. – А пижама у тебя вся дырявая, хуже половой тряпки!

– Зато она уютная и любимая, – девочка отчаянно попыталась снова включить свое очарование, но вместо этого расплакалась.

– Фу, у тебя покраснел нос и пятна на щеках! – возмутился Самый-Самый. – Я на такое не подписывался!

Он громко хлопнул дверью и ушел, а девочка осталась одна со сломанным роутером.

Потом она его, конечно, починила, хоть и не сразу, но это уже другая история. Скажем только, что с тех пор девочка прочищает засорившуюся раковину только сама и даже краны научилась чинить своими руками.

Однажды в городе...

Парк

Человек с карманами, полными камней, идет по первому снегу. Все дорожки в парке исписаны вороньими буквами. Прохожий внимательно смотрит на них, читает. Дойдя до конца предложения, вынимает камень и кладет в снег, словно ставит точку.

Камушки у него – как на подбор: с прожилками, узорами, блестками кварца. Есть даже удивительные аммониты, в которых отпечатались древние растения и жуки, видевшие динозавров.

Вороны нетерпеливо приплясывают на старых липах. Но пока человек в парке, они спускаться не станут.

И вот последний камень – сиренево-серый с белой чертой – лёг в конце вороньей строки. Ветер подул, взмахнули полы пальто. И человек плавно полетел меж деревьев, посмеиваясь над воронами, которые от удивления даже каркать перестали.

Это был лёгкий человек, и ветер без труда поднимал его всё выше, пока не унёс за облака. Туда, где всегда солнце.

А вороны потом целый день катали по дорожкам красивые камушки. И даже ни разу из-за них не поссорились.

Депо

За оградой, обсаженной кустами сирени, собираются на ночлег трамваи. Спать они так и не привыкли и просто пережидают темноту, стоя бок-о-бок, словно лошади в стойле.

В полночь, когда в светофорах начинает мигать желтый совиный глаз, в гости к трамваям прибегают зеленые человечки.

Красные так боятся опоздать на работу, что никуда не отлучаются и всю ночь стоят, как часовые, в рабочих комнатах за плотно задернутыми шторами.

А зеленые запрыгивают в пустые вагоны, плюхаются на свои любимые места у окон, наливают зеленый чай из термоса. И беседуют о странностях жизни.

Например, о больших белых птицах, которые прилетают с реки и важно, как статуи адмиралов, стоят на рельсах.

Трамваи же любят поговорить о кондукторе Степаниде. Той самой, что всегда желает пассажирам доброго пути, а счастливые билетки припрятывает для школьников.

Отцветает сирень, из каморки выбирается, как медведь, трамвайный сторож Фёдор. Расстилает под кустом дырявое покрывало и ложится думать о кондукторе Степаниде.

Идет сиреневый снег, в свете фонаря похожий на настоящий. Лепестки щекочут Фёдору лоб, и улыбка шевелится под его бородой, как бабочка в зарослях репейника.

А трамваи и зеленые человечки замолкают, боясь ее спугнуть.

Площадь

Коновод Ульяна держит под уздцы серую лошадку Веру. Сегодня на площади у цирка никто не хочет кататься верхом. В воздухе висит дождевая пыльца, и Верина попона с красными кистями становится всё тяжелее.

Ульяна приплясывает, чтобы не замерзнуть, и угощает Веру антоновкой. Несмотря на бодрый хруст яблок, лошадка грустит. У нее такие красивые косички на гриве и хвосте и ленточки с бубенцами, а редкие прохожие бегут мимо, даже не глядя на нее.

У Ульяны тоже косички. Много-много, наверное, штук сто. Красные, голубые и желтые. Но сегодня она связала их в большой узел и спрятала под капюшон, чтоб не намокли.

– Кажется, мы зря тут торчим. – Ульяна тоже откусывает яблоко и морщится. – Смотри, какой смешной старичок.

– Ничего смешного, – Вера продолжает грустить.

Старичок идет медленно-медленно. Под куполом огромного зонта его почти не видно.

"Гриб-пешеход", – улыбается Ульяна, и над ее головой начинает порхать крохотная розовая бабочка.

Старичок останавливается напротив них, кланяется, шаркнув ножкой, и церемонно произносит:

– Сударыня, разрешите вас пригласить?

– Меня? – изумляется Ульяна.

– Разумеется, нет! Подержи-ка, милочка.

Ульяна ошарашено берет протянутый зонт. А старичок с ловкостью акробата вскакивает на лошадку.

– Всего пару кругов, сударыня, будьте так любезны, – говорит он ей, наклонившись к самому уху.

И Вера, забыв обо всем на свете, несется вокруг фонтана, словно скаковой рысак. Ульяна глядит на них во все глаза и не знает, что у нее над головой появилась еще одна – салатовая в желтую крапинку – бабочка.

Вера уже примчалась обратно и стоит, тяжело поводя боками. Старичок легко спрыгивает и подмигивает Ульяне:

– В свой день рождения я привык кататься верхом.

– Ой, – восхищенно выдыхает девочка, – поздравляю! А сколько вам лет?

– Столько же, сколько у вас на двоих косичек, милые барышни!

Старичок сдергивает с Ульяны капюшон, и веселые косички рассыпаются по спине, как стебли сказочных растений.

– Получите гонорар, – старичок вручает Ульяне невесомый бумажный пакет и уходит, постукивая по асфальту сложенным зонтом.

"Сюда он шел гораздо медленней", – мимоходом замечает она, разворачивая пакет.

– Ах! – восклицают одновременно Ульяна, Вера и все, кто в этот момент идет мимо.

Солнце брызнуло из-за облаков, вспыхнули лужи и трамвайные рельсы, гибкой гимнасткой выгнулась над фонтаном радуга...

А из пакета полетели и закружились над площадью бабочки всех цветов и размеров. Много-много, наверное, штук сто.

Сказки про всё на свете

Про Серого Дядьку

Той весной мы почти все время гуляли. Домой приходили только спать. Так что прибраться было совершенно некогда. В углах и под шкафами выросли целые пылевые облака. Они были нежные и мягкие, тихонько шебаршились от сквозняков, и нам совсем не мешали. Наоборот, под их неспешное шуршание крепче спалось, как под шум моря.

Вот из этих пылевых облаков и соткался Серый Дядька. Однажды мы пришли домой, а он сидит, к стеночке прислонился, в серый шарф уткнулся. Сутулый такой, грустный.

– Ты откуда взялся? – говорим.

– Завёлся... – отвечает, а голос у него тихий и сухой, как у пыли.

– Значит, жить у нас теперь будешь? Понятно. А что ты умеешь делать?

– Думать...

– А еще?

– Молчать...

И Серый Дядька стал жить у нас, думать и молчать. Когда ему особенно хорошо думалось, он начинал дуть на пыль. И чем глубже задумывался, тем сильнее дул.

В квартире начиналась настоящая буря, носились туда-сюда маленькие пылевые тучи, закручивались пыльные смерчи...

Мы громко чихали и скорей убегали во двор, чтобы не отвлекать Серого Дядьку от его мыслей. Думать – дело серьезное. И потом – вдруг он когда-нибудь намолчится и расскажет, до чего додумался...

Но вот однажды, когда мы гуляли, в дом зашла бабушка и сразу же расчихалась. И рассердилась:

– Как так можно! Апчхи! Невозможно! Апчхи!

Бабушка решительно закатала рукава, включила пылесос и за полчаса расправилась решительно со всей нашей пылью.

Серого Дядьку мы с тех пор не видели. Сколько ни копили по углам пыль, больше он в ней не заводился.

А жаль.

Все-таки хотелось бы узнать, о чем он так долго думал...

Про сказочника

В одном большом городе жил сказочник. Звали его, скажем, Алёша. Или, нет, кажется, Паша. А, может, и вовсе – Жан Антуан Кристоф Бегемот Себастьян.

Он и сам толком не знал, ведь когда круглый год только и делаешь, что рассказываешь сказки, все остальное просто вылетает из головы.

Дети, конечно, всегда спрашивали, как его зовут, это же их любимый вопрос.

А сказочник всегда отвечал: "Как хотите"

И каждый день дети придумывали ему кучу новых имен.

Некоторые он даже записывал на полях шляпы, чтобы не забыть.

Например, мальчик в круглых очках назвал его Квукой, а девочка с синими колготками на голове (это она играла в Мальвину) – Брат Камушки.

Еще среди имен были Добрый Вечер, Лось Лосёвич, Килиманджаро и Шестью Три.

Каждое утро сказочник приходил на детскую площадку, вынимал из рюкзака апельсины и вырезал на их коже разные рожицы. Одни получались грустные, другие веселые, третьи хитрые, четвертые – задумчивые.

Постепенно вокруг собирались дети. Сказочник вручал каждому апельсин и рассказывал сказку. Если апельсин улыбался, сказка выходила веселая, если грустил – печальная.

Часто дети спрашивали, не в апельсинах ли живут его сказки?

– Нет, – улыбался сказочник, – в апельсинах живут только витамины. А сказки... сказки живут в моей бороде, они ж тепло любят...

И, правда, закончив одну историю, сказочник некоторое время молчал, зевал и задумчиво чесал бороду, будто собираясь сказать: "Ну, что – на боковую?"

И порой дети успевали заметить, как из медно-рыжей бороды выскакивает что-то маленькое и ныряет прямо в открытый рот.

В этот момент сказочник тут же переставал зевать и начинал новую сказку.

Да, сказки жили у сказочника в бороде. А вот как они туда попали? Об этом дети почему-то не спрашивали. Видимо, думали, что сказочники прямо так и рождаются: с бородой, набитой сказками.

Но это неверно. Сказочники, представьте себе, рождаются вообще без бороды. А у многих она совсем никогда и не отрастает. Так что не в ней дело.

Дело в деревьях. Сказки живут на обратной стороне листьев, там же, где эльфы.

И все сказочники знают этот секрет. Они умеют дружить с деревьями. Подойдут, пошепчут что-то в дупло, поглядят корни – сказки так и посыпятся, будто капли после дождя.

Каждый их собирает, куда придумает, – кто запазуху, кто в шляпу, кто в нагрудный карман. Кто-то – в чемодан, чтоб не помялись. А одна старушка из Верхней Пышмы, идя за сказками, привязывала себе на спину большущий печной горшок на кожаных подпругах.

Все сказочники стараются летом запасти побольше сказок, чтоб хватило на долгую зиму, когда старые сказки уже облетели, а новые еще не проклюнулись.

Наш сказочник для этого даже работал дворником. Не всегда, конечно. Только в листопад. Большой метлой сгребал он опавшую листву, набивал огромные мешки и тащил домой.

К концу осени вся квартира оказывалась заполнена листьями, в которых копошились сказки. Кровати у сказочника не было, да и одеяла тоже, поэтому он, как сурок, зарывался в листву и засыпал, а сказки тихонько заползали к нему в бороду.

Сказочник так крепко дружил с деревьями, что не хотел расставаться с ними, уходя домой. Поэтому он вырастил у себя на балконе маленький лесок в огромных корабельных бочках. А еще посадил деревца на карнизах, на крыше, в лифте, даже в водосточной трубе.

Деревья тоже любили сказочника и росли изо всех сил. Слушая по ночам, как они шумят, набирая силу, сказочник мечтал, что скоро весь дом превратится в непролазные джунгли.

Так бы оно и вышло, если бы не соседи, которые вдруг решили, что деревья заслоняют им свет. Не сказать, чтобы эти люди как-то особенно любили свет. Просто сэкономили электричество.

– Если ты не уберешь свои деревья, завтра мы их спилим! – пригрозили они, потрясая топорами и пилами.

От одного вида этих страшных орудий сердце сказочника выпрыгнуло из груди и укатилось куда-то, как мячик.

А сказочник надел шляпу, где записывал имена, придуманные детьми, и побежал на вокзал. В тяжелую минуту он всегда ходил к поездам. Мерный перестук колес возвращал сердце на место.

Когда сердце вернулось, сказочник сел на платформу и заревел. Была ночь, и никто не мешал ему лить слезы и вытирать их рукавом. Однако сказочник так громко и так горько шмыгал носом, что разбудил старый товарный поезд, спавший на запасном пути.

Поезд подошел поближе, перешагивая через рельсы (по ночам поезда себе иногда это позволяют), включил фары и внимательно рассмотрел плачущего.

После чего спросил:

– Почему у тебя разные носки?

– А почему у тебя одинаковые? – машинально ответил сказочник, давно привыкший, что каждый встречный (кроме детей, конечно) задает ему этот вопрос.

– Я вообще босиком! – пыхнул поезд и помахал блестящим колесом. – И все-таки о чем ты плачешь?

Тут сказочник прижался лбом к железному боку поезда и впервые в жизни стал рассказывать не сказку, а быль. И так разволновался, что упал с платформы.

– Если бы деревья умели ходить, они бы давно от нас сбежали! – прокричал он снизу, пронзительно, как чайка.

– А это идея! – загудел поезд. – Ведь твои деревья растут в бочках! Мы можем их увести!

– Куда?

– Да куда угодно! Я совершенно свободен, меня же списали в утиль!

– Мой дом слишком далеко, – вздохнул сказочник. – До утра я успею принести сюда от силы два деревца.

– Я могу подъехать прямо к подъезду!

– Что ты! Там нет рельсов, даже трамвайных!

– Не беда! Смотри!

Поезд подпрыгнул, вильнув пустыми вагонами, и оказался на платформе.

– Показывай дорогу!

И они помчались по ночным улицам, иногда даже немного взлетая над мостовыми.

До рассвета сказочник грузил в вагоны тяжеленные бочки.

Каждое дерево обнимало сказочника ветвями, что-то шептало на ухо и листьями нежно вытирало пот со лба.

Утром старый товарный поезд, плавно, чтобы не опрокинуть бочки, тронулся в путь. В последнем вагоне на куче прошлогодних листьев крепко спал сказочник.

И ему снилось, что все городские деревья снялись со своих мест и двинулись следом за поездом.

А с ними – все сказки.

А потом – и все дети.

Ведь детям нельзя без сказок. И без деревьев. Никак нельзя.

А поезд шел все быстрее и легче, уже почти не касаясь земли.

Про потолок

Жил-был потолок, белый и ровный, как лист бумаги. Целыми днями потолок смотрел на комнату, которая находилась внизу. И видел, как входят и выходят люди, как растут цветы на подоконнике, как раздуваются от вещей шкафы, как прыгают по полу мячи и солнечные зайчики...

А над потолком жила крыша. Она была ржавая и корявая, как кора дерева. Всю жизнь крыша смотрела в небо и видела облака, провода, ласточек, самолеты, воздушные шары и воздушных змеев... Ночью – звезды, зимой – метели, правда совсем недолго, потому что когда ее заметало снегом, крыша переставала вообще что-либо видеть.

Тогда она тихонько толкала своего соседа:

– Эй, потолок, ты спишь?

– Нет, зеваю.

– Расскажи, что видишь, – просила крыша, устраиваясь поудобнее под снежным одеялом.

– Девочка бежит, за ней – женщина с пижамой... Догнала и пытается надеть, а девочка скидывает. Вот женщина ушла, пижаму на кровать бросила... Девочка шкаф открыла, одежду на пол вывалила, платье достала – длинное, до самого пола, в оборочках... Нарядилась... Теперь залезла на стул, зеркалу язык показывает... Спать улеглась. Прямо в платье. Голова с кровати свешивается... Женщина зашла, девочку одеялом укрыла, голову на подушку положила. Свет выключила...

Крыше нравилось слушать о том, как живут люди. Сама она их почти не видела. Изредка залезали наверх какие-то дядьки, ковырялись в антеннах, но это было совсем неинтересно.

И крыша мечтала хотя бы на день поменяться местами с потолком и посмотреть на людей и их удивительные занятия.

А потолок мечтал увидеть то, о чем по ночам, когда в комнате становилось темно и скучно, ему рассказывала крыша. Синюю глубину полуденного неба, и радугу, и молодой месяц, похожий на выпавшую ресничку, и розовый след самолета, и больше всего рассвет и закат...

Однажды над городом, где жили потолок и крыша, пролетал волшебник. Он считал звезды, и на седьмом десятке миллиардов всегда сбивался и начинал снова. Он был ужасно занят и сердит. И не заметил, что внизу уже начался город.

Обычно волшебники облетают их стороной, чтобы не запутаться в проводах и не угодить под обстрел фейерверков.

И вот длинный плащ волшебника зацепился за торчащую из крыши антенну.

– Семьдесят восемь миллиардов сто пять миллионов... ой-ёй, что это?!... трах-бах-тарах... ай-яй, как больно!..

И волшебник со всего разлета грянулся о крышу. Расквасил себе нос и ободрал обе коленки, чего с ним не случалось уже лет двести. И самое обидное – вдребезги разбил пузырек с ценнейшим эликсиром прозрачности, над которым корпел три новолуния...

Но волшебники не тратят время на пустые сокрушения. Спрыснув себя эликсиром бодрости духа, который, к счастью, был в мензурке из небьющегося стекла, волшебник отряхнулся и полетел дальше.

А крыша с потолком к утру стали совсем-совсем прозрачными. И потолок увидел свой первый рассвет, а крыша – девочку и ее маму, задравших головы кверху...

Им, кстати, тоже очень понравилось то, что произошло. Они даже перестали ссориться из-за пижамы. И по вечерам лежали на широком диване, взявшись за руки, и смотрели на звезды. Обе в красивых платьях с оборочками, как принцессы.

Про Плюку

Жила-была Плюка. Вся она была какая-то приплюкнутая. Целыми днями сидела Плюка на плоской кочке и плюкала:

– Плюк! Плюк!

Она сама не знала, хорошо это или нет – плюкать целыми днями. А спросить было не у кого. Ведь жила Плюка посреди непроходимого болота, одна-одинешенька.

И вот однажды, плюкая на своей кочке, Плюка вдруг услышала незнакомый звук. Совсем рядышком кто-то громко млюкал!

– Млюк! Млюк!

Плюка всполошилась. Что за млюки в ее родном болоте?! Кто это там размлюкался?

Перевалилась Плюка через кочку и увидела – Млюку! Всю из себя млюккую-премлюккую.

Растянувшись на соседней кочке, та нахально млюкала, будто всегда тут водилась.

– Плюк! – велела ей Плюка, имея в виду: "А ну-ка замолчи!"

– Млюк! – ухмыльнулась Млюка, что означало: "И не подумаю!"

С этой минуты Плюка потеряла покой. Наглое млюканье преследовало ее повсюду. Даже ночью, сердито ворочаясь на своей кочке, она слышала, как подлая Млюка сладко помлюкивает сквозь сон.

"Когда же это кончится?!" – страдала Плюка и даже слегка заплюкновела от волнения.

Но главное – Плюка совсем перестала плюкать!

Да и как тут поплюкаешь, когда вокруг сплошные млюки!

И вдруг в один прекрасный день млюканье полностью прекратилось. Плюка поначалу даже не поверила своим ушам. Слушала-слушала – и ничего. Вытянула шею, глянула на соседнюю кочку – и никого.

Тогда робко, несмело, еще не веря в избавление, Плюка попыталась плюкнуть. С отвычки плюк вышел какой-то совсем уж плюклый.

"Что это? – испугалась Плюка. – Неужели плюкалка сломалась?"

Она прополоскала горло болотной водичкой и утешила себя:

"Ладно, расплюкаюсь помаленьку!"

И, действительно – расплюкалась. Если плюкать целыми днями, кто угодно расплюкается.

Но почему-то былого удовольствия от плюканья Плюка не получала. Да и плюкалось ей как-то вяло. Без плюкновения.

Словно чего-то не хватало. Думала Плюка, думала. Чего ей может не хватать? Болото на месте, кочка – тоже...

И, наконец, догадалась! Млюки ей не хватает – вот чего! Млюки и ее подлого млюканья!

"Дожили!" – разозлилась Плюка и даже плюнула в свое любимое болото.

А потом плюхнулась на кочку – и стала плюкать изо всех сил, чтобы выкинуть из головы глупые мысли.

Наплюкалась вдоволь, выдохлась... И поняла, что ей больше ну ни капельки не хочется плюкать.

Хуже того – все время с исчезновения Млюки ей хочется только одного: снова услышать разудалое "млюк-млюк!"

"И куда она запропастилась? – Плюка недовольно глянула на соседнюю кочку. – Может, цапля склевала? Или в болото затянуло? Ну и плюк с ней, с этой Млюкой! Я и сама не хуже могу млюкать, было бы желание!"

Плюка подбоченилась и попыталась млюкнуть. Но вместо веселого млюканья у нее вышло обычное унылое плюканье.

"Ладно, размлюкаюсь помаленьку! Не велика наука!" – решила Плюка.

И стала учиться млюкать. Но получались только плохонькие плюки.

"Да где же эта Млюка! – чуть не плача думала Плюка. – Сколько можно шляться?!"

Дошло до того, что Плюка решила Млюку позвать.

"Млюка!" – хотела крикнуть она.

Или даже: "Млюкушка!"

Но над болотом разнеслось лишь печальное "Плю-ю-юка!"

Будто Плюка окликала саму себя.

– Плю-ю-юка! Ау-у! Вернись, Плюка!..

А Млюка в том болоте больше не появлялась. Наверное, подалась в теплые края.

Они ведь перелетные, эти млюки.

Про старух

Жили-были старухи-развалюхи. Которые от старости уже совсем разваливались.

Полезет такая старуха через забор (до калитки-то идти – сил нету) – и готово дело: нога за гвоздь зацепилась и – хрясь! – оторвалась.

Станет старуха-развалюха у куста сирени подслушивать, о чем соседки на лавочке судачат, глядь, а ухо-то уже и отвалилось, на ветке туда-сюда болтается.

Совсем житья нет – то палец из розетки выковыриваешь, то пятку из грязи выуживаешь.

Соберутся такие старухи вместе – и давай наперебой жаловаться да решать, кто из них сильней разваливается.

Крик стоит – аж в лесу слышно:

– Ой, не могу, голова раскалывается!

– Ай, спасите, в носу свербит!

– Ох, поясницу тянет!

– Ах, в животе урчит!

Старая ворона, которая далеко в лесу на старой березе сидит, услышит эти вопли, побряхтит сердито и летит туда, где старухи свои болячки сравнивают. И как раз вовремя поспекает.

Потому что, накричавшись, эти дурные бабки драться начинают. Да так друг друга метелят, что за пять минут все до одной разваливаются. Прилетает ворона и видит: кучи костей да тряпья на полу валяются. Опять двадцать пять!

Ворчит ворона, а сама скорей за работу берется, куда денешься. Косточка на косточку, суставчик на суставчик... приклеет, привинтит, прилепит, примотает – и готова старуха! Рраз – и еще одна!

Ворона свое дело знает. Тут постучит, там пристрочит – и старуха, как новенькая. Даже не болит ничего.

Вот сидят они рядком на лавке, довольные, ворону для порядка поругивают:

– Ногу-то, слышь, криво приделала, хромай теперь по ее милости!

– Руки опять не к тому месту пришила!

Ворона на это ворчание – ноль внимания. Сидит на заборе – ждет, банку клея наготове держит. В лес ей пока рано улетать.

Прихорашиваются старухи, себя со всех сторон разглядывают, друг у друга зеркало выдергивают...

Кто-нибудь обязательно на радостях запоет, остальные – тут же в пляс пускаются. А ворона не дремлет: в тот же миг на старух банку клея опрокидывает. Чтоб не рассыпались, когда каблуками чечетку пойдут выстукивать.

Теперь можно и в лес возвращаться. На старой березе спать. Клюв под крыло.

Про шторы

Жили-были шторы. Красивые, тюлевые, с узорами и жар-птицами. Когда светило солнце, шторы переливались, как золотой водопад, и по комнате разбегались сказочные тени. То в углу с паутиной вырастет чудо-дерево, то на грязном полу распустится кружевной цветок.

Сестры-шторы очень любили солнце. Жаль, что в тех краях оно почти всегда пряталось за облаками, особенно зимой. А зимы были долгие-долгие.

Но больше всего шторы любили ветер. Одна сестра обожала танцевать с ним, кружась по комнате, а вторая – летать над городом, лежащим далеко внизу.

Им повезло: в доме жил художник, который мог работать только на свежем воздухе. Рисовать на улице у него не получалось: слишком он стеснялся любопытных прохожих, заглядывающих через плечо.

Поэтому художник в любую погоду держал окна открытыми настежь, и сестры-шторы танцевали и летали сколько душе угодно.

Только зимой, когда на полу наметало сугробы, а вода для кисточек становилась льдом, художник огорченно закрывал окна и садился в кресло-качалку – пить чай и ждать весны.

А зимы были долгие-долгие и с каждым годом, казалось, становились длиннее на неделю или даже на две.

Художник качался в своем кресле и представлял, что уплывает в теплые края, где зимы нет вообще...

И однажды он, видимо, все-таки отправился туда. Шторы не заметили, как это случилось – слишком увлечены были собственными мечтами. Одной хотелось летать над городом, второй – танцевать до упаду.

Только когда началась весна, шторы пожалели, что художник куда-то делся: некому было открыть окна и впустить к ним веселый весенний ветер, полный запахов и надежд.

Но вскоре в квартиру пришли незнакомые люди. Они разворачивали стоявшие лицом к стене картины, разглядывали и восхищенно ахали.

– Как душно! – воскликнул кто-то и распахнул окно.

Заждавшийся ветер ворвался внутрь, сдернул обе шторы с покосившейся гардины и унес в неизвестном направлении.

Одна сестра – та, что любила летать – взмыла в облака и исчезла из виду. Знакомые галки рассказывали потом, будто видели ее, зацепившуюся за крыло самолета. Но я не знаю, можно ли верить галкам и всему, что они говорят...

А та, что любила танцевать, вдоволь накружившись, опустилась на скамейку в городском парке.

Там как раз сидела бедная девушка и плакала, что ей не в чем пойти на бал.

Увидев кружева, упавшие ей на колени откуда-то прямо с неба, она моментально утешилась и со всех ног бросилась домой.

За несколько часов, оставшихся до бала, девушка сшила себе из шторы прекрасное кружевное платье. И всю ночь напролет танцевала. Разумеется, с принцем. А с кем же еще!

Про дом

Жил-был дом. Дом как дом: двери, окна, пол, стены... Ничего особенного. Стоит ли вообще про него рассказывать? А вот слушай!

Однажды, когда хозяева уже неделю были в отпуске и плавали где-то в теплых морях, а дом угрюмо смотрел в огромную бурую лужу, ему вдруг все ужасно надоело.

"Ну, что это за жизнь! – возмутился дом и задрожал всеми стеклами. – Не могу! Не хочу! Не буду!"

"А чего же я тогда хочу?" – задумался он чуть погодя и медленно, как цирковой слон, стал кружиться вокруг своей оси – так лучше думалось.

Дверцы шкафов распахнулись, выпуская на волю запертые вещи.

Запрыгали мячи, покатались обручи, браслеты, кастрюли, разбежался во все стороны веселый зеленый горох.

Захлопали страницами книги, полетели в сторону леса, стаями и поодиночке.

А люстра, звеня подвесками, пустилась в пляс.

Все пришло в движение. Лестницы стали вытягиваться и гнуться, пол покрылся волнами, окно округлилось и отодвинулось в угол, дверь – приняла форму звезды и вскарабкалась под потолок.

Листья, нарисованные на обоях, превратились в настоящий листопад и осыпались на пол. Вместо них каждая стена выбрала себе наряд по вкусу. Одна закуталась в кружева, вторая – в цветастые шали, третья – в серебристый мех, а на четвертой вырос мох.

"Я хочу... хочу... я тоже хочу на море!" – наконец, придумал дом.

Съехал с горки, где простоял всю жизнь, стряхнул с себя провода и антенны и тронулся в путь, напевая походную песню, которую слышал от перелетных птиц.

Про принцессу и крылья

Жила-была самая настоящая принцесса. И было у нее все, что принцессе положено. И старинный замок, увитый плющом, и платья до полу, и музыкальная шкатулка, и золотая корона на голове, и даже собственный пони в конюшне.

Были и родители, только толку от них не было. Папа-король круглые сутки подписывал указы и считал нули в казначейских отчетах. А мама-королева принимала важных гостей и вела с ними разговоры о государственных делах.

Друзей у маленькой принцессы не было. Других принцесс в округе не водилось, а водиться с простыми детьми ей не разрешали.

День за днем она сидела у окна, гладила ручную ящерку и разглядывала облака, плывущие над зелеными холмами и синими горами, что окружали замок со всех сторон.

"Вот бы и мне полететь вслед за ними, – мечтала принцесса. – И увидеть то, что находится по ту сторону..."

Ей почему-то казалось, что там все по-другому. Рыбы щебечут на красных деревьях, зеленое солнце светит в золотом небе... А родители целыми днями играют с детьми во что ни попросишь: и в прятки, и в догонялки, и в козу рогатую. И им никогда не бывает некогда.

Думала принцесса, думала и поняла, что ей нужны крылья. Без них никак не выберешься из замка, стоящего на отвесной скале, и не одолеешь покрытые снегом горные пики, за которыми прячется чудесная страна.

Принцесса спустилась в огромный гардеробный подвал, где хранились бесчисленные наряды королевской семьи, и спросила у придворной дамы, заведующей одеждой, не найдется ли тут пары самых скромных, но прочных крыльев.

– Приходите попозже, Ваше высочество, я поищу, – пообещала дама, озабоченно перекладывая шелковые сорочки королевы мешочками лаванды от моли.

Через неделю дама-завхоз выдала принцессе три маскарадных костюма (ангела, феи и жар-птицы) и восемнадцать платьев с пелеринами.

Давным-давно дама сама была девочкой и помнила, что если надеть такое платье и хорошенько разбежаться, пелерина взмывает за спиной, будто крылья.

Принцесса вежливо примерила костюм ангела, поблагодарила даму и, сдерживая слезы, вышла в сад.

Все это было, конечно, красиво. Но совершенно бессмысленно. Ведь на кружевных крыльях, даже расшитых жемчугом, далеко не улетишь, как ни разгоняйся.

Маленькая печальная принцесса брела по саду, и парчовые крылья понуро волочились следом, тяжелея от росы.

Старый садовник подстригал королевские розы.

"Может быть, – подумала принцесса, – он знает?"

– Как мне вырастить крылья? – спросила она. – Только настоящие, а не такие.

И принцесса сердито дернула плечом.

– Чтобы что-то выросло, – прошамкал садовник, – нужно поливать...

– Удобрять... Окапывать... Обрезать сухие ветви... – продолжал бормотать он, но принцесса уже не слышала: она неслась в королевский сарай за своей серебряной лейкой.

Каждое утро принцесса теперь обливалась водой из пруда. Но крылья у нее так и не выросли. Зато сама она стала такой закаленной, что могла бы даже осенью бегать босиком по лужам и не простужаться. Если бы захотела. Но принцесса не хотела бегать босиком. Разве что по облакам. Или по радуге. Когда появятся крылья...

В замке был еще один очень старый человек – придворная нянька. Старуха так долго жила на свете, что уже не помнила, сколько поколений королевской семьи вырастила.

Порой ей казалось, будто не только маленькая принцесса и папа-король когда-то засыпали под ее колыбельные, но и бабушка-королева, и прадедушка-герцог, и даже легендарные рыцари, чьи доспехи хранились теперь в музее, а имена – в народных песнях.

– Как мне вырастить крылья? – спросила принцесса у няньки.

– Кушай побольше каши, деточка. Не успеешь оглянуться, как вырастешь... – прошлепала старуха.

– Да не я! А крылья...

– Все, все вырастут... – закивала нянька. – Главное – каша...

Маленькая принцесса вздохнула. Она терпеть не могла кашу. Да и зачем есть эту противную, липкую жижу, когда в любой момент можно полакомиться профитролями с шоколадным кремом или тортом тирамису?

Но что поделаешь – принцесса так хотела стать крылатой, что научилась есть кашу. Правда, ей все равно не понравилось. Зато сама она, незаметно для себя, стала такой сильной, что могла бы подняться на высокую гору и даже не запыхаться.

Но принцессе не приходило в голову, что горы, за которыми прячется чудесная страна, можно преодолеть пешком. Слишком она привыкла мечтать, как перелетит через них на крыльях.

Но время шло, а крылья не выросли. Принцесса делалась все старше и все печальнее.

Папа-король начал приглашать в замок женихов – толстых и важных, как болотные жабы. Но принцесса ни на кого из них даже не взглянула, хоть это и было в "государственных интересах", как внушала королева-мать...

Однажды утром принцесса, как обычно, сидела у окна и уныло ковыряла остывшую кашу серебряной ложечкой.

– Если ты не хочешь есть, отдай мне! – вдруг произнес чей-то сильный голос, от которого у принцессы тут же закружилась голова.

Она выглянула в окно и увидела человека в дырявой шляпе. У него было загорелое обветренное лицо и такие синие глаза, что голова у принцессы закружилась еще больше.

– Пожалуйста, возьмите, – пролепетала она и протянула в окно тарелку и серебряную ложечку.

Бродяга в одну минуту расправился с кашей, одарил принцессу белозубой улыбкой, помахал шляпой и весело зашагал по тропинке, ведущей к вершине.

Принцесса смотрела, как он уходит, и ей больше не хотелось ни летать, ни дышать, ни мечтать о чудесной стране, где светит зеленое солнце.

А хотелось только одного: догнать незнакомца и снова увидеть его синие-синие глаза...

Перепрыгивая через три ступеньки, она слетела с витой лестницы и во весь дух понеслась следом.

Потом до замка доходили слухи, будто бывшую принцессу встречали по ту сторону гор. И будто она была окружена ватагой синеглазых ребятишек, загорелых, оборванных и босоногих.

И будто целыми днями они играли то в прятки, то в догонялки, то в козу рогатую. И принцесса смеялась и носилась быстрее всех, как на крыльях. И никогда не говорила, что ей некогда.

Только в замке никто этим рассказам не поверил. Где это видано, чтобы принцесса, даже взрослая, скакала по лужам, как уличная девчонка! Да еще и босиком!

Не говоря уж о том, чтобы убежать из дома с первым встречным бродягой – такое, вообще, только в сказках бывает!

Правда, королю пришлось-таки отвлечься от государственных дел и подписать официальное опровержение, которое гонцы зачитали в каждой деревне.

Чтоб народ не волновался. А то легковверные крестьянки тут же бросились отправлять за горы корзинки с картошкой и поношенную детскую одежду...

Что касается важных гостей, то им продолжали говорить, будто принцесса вышла замуж за шаха-падишаха турецкого, у которого на голове – полотенце.

Про зеленого медведя

Жил-был зеленый медведь. Такой большой, что в нем помещалось сразу три сердца: розовое, желтое и голубое. Они были похожи на воздушные шары, только гораздо прочнее.

Конечно же, этот медведь работал воспитателем в детском саду. Он никогда не рычал на детей. Хотя умел рычать так громко, что в соседнем городке чашки прыгали по столам, как лягушки, и в неурочное время начинали звонить будильники.

С детьми зеленого медведя выручали два запасных сердца. Если в течение дня одно выдыхалось и выходило из строя, он прятался в чулане, быстро надувал новое – и снова был готов, к примеру, полчаса выбирать, из какого стакана Надя согласится выпить компот: синего, красного, серо-буро-малинового, квадратного, железного, "такого же, как у Ани, только другого", или какого-нибудь еще...

Дети лазили по нему, как по большой плюшевой горе, и часто прыгали вниз с самой макушки, хотя это было ужасно высоко. Но они знали, что не разобьются, ведь зеленый медведь всегда успевал подставить свою лапищу и поймать их.

Правда, после этого ему, разумеется, приходилось бежать за сменным сердцем.

Каждое утро медведь раскладывал перед собой свои сердца и думал, какое выбрать. Если шел дождь, то подходило веселое желтое сердце, похожее на солнце, которого так не хватает в пасмурный день.

Если было жарко, и дети целый день прятались в густой зеленой тени медведя, как в прохладном лесу, он надувал спокойное голубое сердце, похожее на легкий летний ветерок.

Если же предстоял тяжелый день с какой-нибудь запланированной неприятностью (вроде похода к доктору), то медведь выбирал свое самое сладкое розовое сердце, которым можно было утешаться, как огромной конфетой...

Но вот однажды в стране, где они жили, случилось самое большое горе, какое только может случиться: началась война. Подобно всем остальным войнам, эта была никому не нужна, и никто не обрадовался ее приходу.

Тем не менее все послушно взяли оружие и отправились стрелять в своих соседей, с которыми вчера перешучивались через забор и делились семечками и солью.

Зеленого медведя-воспитателя тоже призвали в армию, потому что живые люди уже кончались, и на фронт стали отправлять даже дроздов и сусликов.

Но из медведя вышел совсем никудышный солдат. Как только ему в лапы дали ружье, все три сердца со свистом сдулись, и медведь упал под березу, едва не раздавив отдыхавших там генералов.

Тогда ему дали лопату и приказали рыть окоп. Но и с этой работой медведь не справился. Он постоянно отвлекался. Вертел головой туда-сюда, как Верочка за обедом, и видел, что солдаты – и чужие, и свои – это бывшие дети, которые совсем недавно не умели завязывать шнурки и рыдали из-за упавшего на асфальт мороженого.

А каждый раз, когда детям грозила опасность, сердце, не раздумывая, несло медведя в ту сторону. Вот и на войне он, бросив лопату, принялся бегать от одного окопа к другому, пытаясь поймать летящие в солдат пули и осколки снарядов.

И скоро переловил их все. И война закончилась, ведь когда нечем стрелять, особо не повоюешь. Солдаты вылезли из укрытий, протерли глаза, почесали в затылках и стали расходиться по домам.

И вдруг один за другим раздались три негромких выстрела. Кто-то подумал, что это генералы уже устраивают победный салют. Кто-то испугался, что войну решили продолжить, купив патроны у нейтральных соседей.

А это лопнули от напряжения три сердца зеленого медведя. Розовое, голубое и желтое. Хоть они и были намного прочнее воздушных шариков.

Солдаты сняли пилотки и зашмыгали носами. Потом медведя подняли – для чего потребовалось объединить силы обеих армий – и понесли в город.

Дети уже очень сердились, что их зеленый друг так долго где-то пропадает. Ведь остальные воспитатели совсем никуда не годились. Вели себя, как дикие звери: рычали, кричали, топали ногами и даже стучали кулаками по столу. А уж компота в правильном стакане от них вообще невозможно было добиться.

Вы, конечно, думаете, что, увидев, как солдаты двух армий вносят в город бездыханную зеленую гору, дети заревели, заплакали, зарыдали...?

Нет! Нет! И нет!

Они тут же начали... ссориться!

Даша с Машей даже вцепились друг другу в волосы, а Паша с Сашей принялись швыряться песком.

Ничего удивительного, просто дети никак не могли решить, из чего лучше сделать зеленому медведю новые сердца.

Окончательно разругавшись, они разошлись в разные стороны, и каждый смастерил собственное сердце. Кто из пластилина, кто из проволоки. А кто просто нарисовал мелками на асфальте...

Но медведь как лежал на центральной площади у фонтана – так и продолжал лежать, даже одуванчиками зарос и лопухами, с той стороны, где солнце. Будто вовсе и не собирался оживать.

А ведь он сам, уходя на свой дурацкий фронт, говорил, что с ним ничего не может случиться, разве что разорвутся разом все три сердца. Но и это не страшно. Надо просто поскорее заменить их новыми, и дело с концом.

"Неужели наврал?" – испугались дети и сбились в кучу.

Даша схватила за руку Машу, Паша прижался плечом к Саше...

И тут же будто легкий ветер обежал их ладони. Это забились нарисованные, вышитые, неумело связанные крючком, криво склеенные из цветной бумаги, оловянные, деревянные, пряничные и мармеладные сердца...

Зеленый медведь потянулся, захав задней лапой в фонтан, а передней – в цветочную лавку, открыл один глаз и сразу услышал:

– Хочу кататься на качелях!

– Хочу какао с чупа-чупсом!

– Хочу высморкаться!

– Хочу летать!

– Хочу синюю котлету!

– Хочу сказку про камень и вертолет!

– Хочу! Хочу! Хочу!

Зеленый медведь зевнул, сгреб в охапку своих галдящих, пищащих, вопящих и воющих питомцев и потопал с ними на речку, потому что наступило время утренней прогулки.

Про фею детской площадки

Жила-была девчонка. До поры до времени никто и не подозревал, что это фея. Даже она сама.

Обыкновенная была такая девчонка. Жила на детской площадке, ела на завтрак мармеладки. Обедала мороженым, ужинала конфетами.

И целыми днями качалась на качелях, боясь, что если она слезет, кто-нибудь их тут же займет.

От дождя она пряталась в деревянном домике. От сильного солнца – в песочнице, под грибком...

Конечно, от метели и мороза ей бы пришлось искать укрытие понадежней, но в тех краях круглый год стояло лето. Даже зимние месяцы из календаря вычеркнули за ненадобностью, и Новый год справляли, то в мае, то в сентябре...

Больше всего на свете, кроме, конечно, качелей и мороженого, эта обитательница детской площадки любила наряжаться – девчонка же!

Утром она носила широкие штаны, на которых были нарисованы цветы и лягушки, днем – длинную юбку с вышитыми облаками, а ближе к закату переодевалась в платье с золотыми слонами и звездами.

И вот однажды в двух шагах от качелей остановилась маленькая птичка с оранжевым хохолком. Что-то с ней случилось непонятное, с этой птичкой. Она не улетала, не шевелилась, только грустно смотрела на девочку маленьким круглым глазом.

– Может, это была какая-нибудь неведомая птичья болезнь?

– Ты чего? – от удивления девочка даже перестала качаться.

Слезла и подошла близко-близко. Протянула руку и осторожно погладила оранжевый хохолок. Она всю жизнь мечтала потрогать живую птичку, но тут ей сделалось не по себе.

– Почему не улетаешь? А если кот? Или мальчишки?

В соседней школе как раз прозвенел звонок с уроков, и до площадки долетел нарастающий гул голосов.

– Скоро сюда прибежит куча народу! Тебя поймают! Замучают! Затопчут!

Девочка хлопнула в ладоши перед самым клювом, надеясь, что птичка очнется и улетит, но та лишь испуганно моргнула и продолжала сидеть не шелохнувшись.

– Эх ты, хохолочек, что же делать с тобой?

Птичка была такой крошечной, что девочка боялась взять ее в руки: как бы не сломать ненароком. Да и вдруг она заразна, эта странная неподвижность? Или, может, тут какое колдовство?

Девочка забралась на горку, запрыгала на одной ноге и запела:

– Расколдуйся! Расколдуйся! Улети! Улети!

Вдруг птичка подскочила и стремительно упорхнула в кусты, только оранжевый хохолочек мелькнул среди листьев. И как раз в эту минуту на площадку ворвалась толпа галдящих школьников.

Девочка скорей скатилась с горки и прыгнула на свои качели – пока никто не занял.

А на завтра неподвижные птички стояли уже в каждом углу детской площадки. И девочке пришлось все утро прыгать и петь, чтобы успеть расколдовать их до конца уроков...

Она даже не успевала обрадоваться или удивиться, что у нее так хорошо получается. Только когда все птички разлетелись, а площадка наполнилась хохотом и криком вырвавшихся из школы детей, девочка подумала, усаживаясь на качели:

"Кажется, я немного волшебная! Ух, как интересно!"

И она для пробы велела качелям качаться без ее помощи. Немного помедлив, словно нехотя, те пришли в движение. Сами по себе!

– Вот это да! – ахнула девчонка и покрепче ухватилась за поручни...

На следующий день неподвижные птички уже не появлялись. Да девчонке было и не до них. Она колдовала и никак не могла наколдоваться.

Первым делом – принарядилась: нанизала капли росы на солнечный луч – получились чудесные переливчатые бусы.

Потом – подкрепилась, превратив липовый цвет в сладкие леденцы, а куличики – в настоящие песочные пирожные.

Дальше маленькая фея постаралась сделать так, чтобы дети на площадке меньше плакали. Велела потерянными игрушкам громко петь, пока их не найдут. Закатившимся мячам – самим возвращаться к хозяевам. Часам торопливых родителей – идти помедленней...

Она придумала еще много всяких полезных штук, всего и не перечислишь. Например, мыльные пузыри, которые не лопаются, когда их ловишь. И грязь, которая не пачкает одежду. И мороженое, от которого не болит горло, сколько его ни съешь, хоть целый ящик...

А потом волшебство улетучилось так же неожиданно, как возникло.

Просто в один прекрасный день маленькая фея вновь стала обыкновенной девчонкой. Но почти не расстроилась от этого. Ведь именно тогда у нее появилась куча новых забот: она тоже, наконец, пошла в школу.

Правда, какой-то едва уловимый след волшебства остался с ней на всю жизнь. И автобусы никогда не уезжали у нее из-под носа. И на полу у кассы валялась именно та монетка, которой не хватало на покупку.

А людям в ее присутствии почему-то всегда верилось в чудеса. Даже если она просто сидела рядом в метро и читала книжку...